

ГРЕГГ ОЛСЕН УЛЕЙ

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА
«НЕ ГОВОРИ НИКОМУ»

Новый мировой триллер

Грегг Олсен

Улей

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.4(41)
ББК 84(7Coe)-44

Олсен Г.

Улей / Г. Олсен — «Издательство АСТ», 2021 — (Новый мировой триллер)

ISBN 978-5-17-144684-0

Кто скрывается за безупречно красивой маской? Мессия или шарлатан? Тело молодой журналистки находят на дне ущелья, и детектив Линдси Джекман берется за расследование. Вскоре Линдси узнает, что жертва писала разоблачительную статью о Марни Спеллман — гуру здорового образа жизни, увлекающей за собой миллионы людей. По словам Марни, когда она была ребенком, рой пчел поднял ее над землей к солнечному свету, освещая духовную связь с природой — чудо, благодаря которому она построила косметическую империю и стала легендой, целительницей, королевой здоровья и вечной красоты. Своих приближенных она называет Ульем и только с ними разделяет секреты своего успеха, включая те, что окутаны тьмой в течение двадцати лет. Преисполненная решимости раскрыть тайны Улья, Линдси сосредотачивает свое расследование на Марни и бывших членах Улья. Но по силам ли ей раскрыть эти тайны, не увязнув в смертельном и сладком яде?

УДК 821.111-312.4(41)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-144684-0

© Олсен Г., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	53
Глава 15	55
Глава 16	59
Глава 17	64
Глава 18	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Грегг Олсен

Улей

Роман

*Посвящается Крису Ренфро.
Он – самый лучший. Правда. Самый-самый.*

«Красота – это не просто нечто поверхностное. Внешность – наша визитная карточка. И мы, если хотим чувствовать себя замечательно и совершать замечательные деяния, должны усвоить эту неоспоримую истину. Поступая так или иначе, я всегда руководствовалась одним желанием – помочь людям, которых мир судит каждую секунду, каждый божий день».
Марни Спеллман (из тележурнала NBC «Dateline»)

Gregg Olsen
The Hive

* * *

Печатается с разрешения автора и литературных агентств David Black Literary Agency, Inc. и Prava I Perevodi International Literary Agency

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© 2021 by Gregg Olsen
© Новоселецкая И. П., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Позднее лето 2019 г.

Округ Уотком, штат Вашингтон

Две женщины, жившие в нескольких милях друг от друга, с разницей в несколько дней читали один и тот же отрывок из одних и тех же мемуаров. У обеих издания были потрепанные, с загнутыми уголками. Одна нашла книгу среди вещей матери, вторая взяла томик в каком-то архиве. Отдельные абзацы они выделяли желтым или розовым маркерами. Тронутые плесенью страницы испещрили пометками и вопросительными знаками, размышляя над историей Марни Спеллман. Переворачивая страницу за страницей, ставили под сомнение достоверность каждого слова в «Неуёмном сердце». Одна из читательниц искала ответы на вопросы о событиях, имевших место в пору её детства. Вторая штудировала книгу, чтобы постичь разум и душу её автора.

Снова и снова, даже когда открывалось невообразимое, книга служила им путеводителем, а потом, словно стрела, вонзалась в сердце каждой из них, одновременно раздражая и побуждая к действию.

* * *

В тот день после обеда родители уехали по делам на «большую землю», а нас с братом оставили трудиться на ферме. Отец велел вычистить хлев, а также перестелить солому в курятнике. Я ненавидела такую работу, и отец с матерью, я была уверена, специально поручили выполнить её в их отсутствие, – чтобы не слышать моих жалоб. От шестилетнего Кейси, конечно, толку было мало. Не сказать, что он не пытался мне помочь, но, как обычно, львиная доля работы ложилась на мои плечи. Как всегда. В довершение ко всему, по настоянию матери, мне, разумеется, надлежало прополоть огород и вымыть пол в кухне.

– До блеска, Марни.

Я почитала её. Скорее, просто как мать, а не из-за её отношения ко мне. Меня всегда жутко бесили её указания, которые она отдавала напевным голосом.

Кейси заявил, что устал помогать – хотя с чего бы ему уставать? – и мы решили передохнуть на вершине холма, увенчанного тремя древними кедрами, которые я нарекла Высочайшими особами, – в честь маминой любимой музыкальной группы «Сьюпримс»¹. На наших угодьях это была самая высокая точка, откуда обозревалась вся округа. Я прихватила с собой сэндвичи и яблоки.

Позже на меня посыплются упреки в том, что это я во всем виновата: если б взяла на пикник сэндвичи не с копченой колбасой, а с арахисовым маслом и джемом, всё было бы иначе. Говорили, что, возможно, толчком послужило мыло, которое сварила мать. Из лаванды, что росла у нас в саду, тройного помола – мы с братом сами его мельчили. Но найдутся и такие, кто скажет, что всё это ложь.

Кейси первым увидел пчелиный рой.

¹ The Supremes – амер. женское трио (1959–1977), один из самых успешных амер. музыкальных коллективов 1960-х гг.

Мы лежали на спинах, смотрели на небо. Нас обдувал лёгкий ветерок, проникавший сквозь зелёную бахрому листовенного балдахина.

– Смотри! – вдруг вскричал Кейси, возбуждённым от страха голосом.

Я проследила за оцепенелым взглядом брата. Рой появился над нами – сначала как тёмное облако, которое затем превратилось в колеблющуюся волнообразную массу. Её природу в первую минуту я не распознала. Сориентироваться мне помог характерный шум. Пчёлы. Рой принимал различные формы, которые одновременно пленяли воображение и насмехались надо мной.

Скачущая лошадь, напоминавшая флюгер на нашем сарае.

Морская звезда на берегу.

Арка, подобная той, что есть в церкви, которую мы посещали в канун Рождества и на Пасху, как итог моего религиозного воспитания.

Я смотрела на рой и чувствовала, что падаю. Или, наоборот, поднимаюсь. Как-то так. Словно сила земного притяжения куда-то подевалась. Словно ньютоново яблоко поплыло по воздуху, а не упало на землю. Я слышала, как брат окликает меня, но даже его голос постепенно поглотила тишина. Я летела. Парила в воздушных потоках. Невероятно странное ощущение. Неповторимое. Казалось, меня поместили в казу². На моём лице – папиросная бумага, по коже стелется легкая влажность. Тихое монотонное жуужжание поднимает меня ввысь, вращает, поворачивая к солнцу.

Вверх.

Потом вниз.

Помнится, я думала, что умерла. Каким образом – затруднялась сказать. Что бы это ни было, я признавала: со мной происходит нечто трансформирующее, сверхъестественное. Я превратилась в сосуд, наполненный мыслями и воспоминаниями о том, как меня куда-то уносило.

Вы можете это понять?

Смелости хватит?

«Неуёмное сердце» Марни Спеллман

² *Казу* – американский народный музыкальный инструмент, применяемый в музыке стиля (skiffle). Казу представляет собой небольшой металлический, пластмассовый или деревянный, сужающийся к концу. В середину цилиндра сверху вставлена металлическая пробка с мембраной из папиросной бумаги. Чтобы исполнять музыку на казу, нужно в него петь, при этом бумажная мембрана значительно изменяет голос.

Глава 1

9 сентября 2019 г., понедельник

Округ Уотком, штат Вашингтон

Рене Джонс толкала перед собой синюю прогулочную коляску по сырой лесной дорожке. После дождя тропинку развезло, одно переднее колесо перестало крутиться от налипшей на него глины, и катить коляску стало ещё труднее. Ко всему прочему. Она и представить не могла, что материнство сопряжено со столькими тяготами. Бессонные ночи. Нескончаемые вопли и плач ребёнка. Неодолимое стремление ускорить ход времени, приблизить ту минуту, когда доводами или подкупом она сумеет добиться от ребёнка желаемой реакции. Успокоения. Это всё, о чем она мечтала. Покой. Тишина.

От напряжения хватая ртом лесной воздух, Рене продолжала упорно катить вперед коляску. Она была в наушниках, но музыка в ушах не звучала. И подкасты тоже. Ничего. В сущности, наушники даже не были подсоединены к телефону: конец шнура опускался в карман куртки, застёгнутый на молнию. Наушники исполняли роль защитного механизма. Что-то, а вот общество сейчас ей точно не требовалось, она прекрасно обойдётся без зрителей, которые стали бы свидетелями её мучений.

Рене молилась, чтобы таблетки, которые прописал врач, помогли ей избавиться от вечной хандры, не отпускавшей её с тех пор, как родилась Карсон. За последние полгода она извела всё самое худшее, на что обречена молодая мать.

Мама и подруги утверждали, что материнство – величайшее счастье на свете. Рене покачала головой. Это ложь, обман. Так говорят, потому что ты неожиданно пополнила ряды тех дурочек, которые понятия не имели, что их ждет после того, как свадьба сыграна, добрые пожелания выслушаны и коробки с подарками, обёрнутые в красивую бумагу и обвязанные красивыми бело-голубыми лентами, открыты. Ритуал посвящения в клуб замужних женщин символизировали благоухающие пионы и золотистый бисквитный торт с белой сахарной глазурью, сформованной в виде высоких заснеженных горных пиков – ни дать ни взять вулкан Бейкер³.

Самый лучший торт на свете.

До того вкусный, что люди, съев один кусок, по глупости брали второй, третий.

Хотя понимали, что это вредно.

Карсон была очаровательной малышкой. Рене это знала, потому что ей о том постоянно твердили мама, сестра, все её друзья. Даже незнакомые люди в супермаркете «Хагген» у подножия холма Сихом. Да, у Карсон были большие карие глаза и длиннющие ресницы, которыми она, казалось, щекотала тех, кто ею любовался. Но вот была ли она очаровательной? Рене не воспринимала дочь в таком ключе. Глядя на девочку, которая кричала по ночам и без умолку вопила с раннего утра до позднего вечера, она недоумевала: неужели этот ребенок – частичка её самой?

И его.

Его. Отца малышки. Кирк Лейн, еще до того, как она разрешилась от бремени, доказал, что его любовь ничего не стоит. А ведь клялся:

– Я буду рядом с тобой, детка.

Лжец!

По мере того, как живот её раздувался, словно попкорн, росла и её неприязнь к Кирку. Зубы у него были какие-то мелкие. Глаза тусклые, почти мутные, как у старой псины, которую последний раз заводят в специальную комнатку без окон в ветеринарной клинике, где хозяева,

³ Гора Бейкер (Mount Baker) – гора на севере штата Вашингтон в Каскадных горах в лесном заповеднике Маунт-Бейкер.

с плачем, навсегда прощаются со своими питомцами. От Кирка даже запах исходил специфический, от которого Рене во втором триместре стало выворачивать наизнанку.

Дочери она дала имя, считавшееся традиционным в их семье, – Карсон. Самое смешное, как отмечали некоторые, сама Рене по имени её редко называла. Говоря о ней, обычно употребляла «она» или «ребёнок», а пару раз поймала себя на том, что использовала слово «эта».

Мама, однажды услышав это, ужаснулась:

– Рене!

– Что? – как ни в чем не бывало отозвалась она, хотя прекрасно понимала, что маму возмутило её странное отношение к дочери, которое она неизменно демонстрировала с тех пор, как принесла Карсон из родильного дома. Пренебрежительное «эта» машинально слетело у неё с языка во время очередного из бесконечных разговоров с мамой, в ходе которого она пыталась выполнить сразу тысячу дел.

Теперь придется расплачиваться за свои грехи.

Рене просматривала в телефоне объявления с предложениями о работе, цепляясь за хрупкую надежду, что смена трудовой деятельности выведет её из состояния паники, которая теперь правила её жизнью. Наконец она оторвала глаза от дисплея и увидела, что мама смотрит на неё, смотрит тем же взглядом, каким соблазнила её завести ребенка.

– Рене, милая, что с тобой? Какая-то ты... даже не знаю... отстраненная.

– Не знаю, мама, – отвечала она. – Не знаю, почему эта вызывает у меня такие чувства.

– Но... *эта*, детка? Ее зовут Карсон. У твоей дочери есть имя.

– Да, есть, – согласилась Рене. – Я понимаю, что она – моя дочь, но, мама... – Её голос сорвался на плач.

Мать Рене подошла к дочери, положила ладонь ей на плечо.

– Родная, ты должна взять себя в руки. Карсон – твоя дочь. Так же, как ты – моя.

Не то она сказала.

После разговора с матерью легче ей не стало. Констатация очевидного не затронула струн её души. Простые истины – не аргумент для женщины, которая пребывает во мраке послеродовой депрессии, в черной дыре, что начинает засасывать её в ту же секунду, стоит ей по пробуждении разомкнуть веки.

Толкая перед собой коляску по вязкой глинистой тропе, Рене жевала нижнюю губу, – чтобы не дай бог не озвучить мысли, мельтешившие в её голове. *Со мной что-то не так. Ребёнок – это навсегда. По крайней мере, до тех пор, пока ей не исполнится восемнадцать. Или – скорее бы! – пока лекарства, что прописал ей врач, не начнут действовать. Но когда это будет? Таблетки она глотает горстями, как слипшиеся желейные драже, что лежат в вазочке на стеклянном столике дома у мамы.*

Лучше бы я завела собаку. Мне нельзя быть матерью. Я даже не чувствую, что Карсон – моя дочь или что она мне нравится. Хуже меня нет матери на всем белом свете.

Рене остановила коляску на краю ущелья и посмотрела вниз, на водопад, обрушивавшийся в глубокое русло реки Нуксак. Выживет ли она? Как поступит?

Что ей *делать*?

Не без труда она убедила себя, что препарат все-таки возымел эффект и её самочувствие улучшилось. Отнюдь не на сто процентов, но новая доза, она надеялась, даст желаемый результат. Карсон заворочалась, и Рене взглянула на кареглазую малышку. Рев водопада, казалось, успокаивал её, подобно гудению пылесоса, когда Рене водила его щёткой возле кровати в детской, которая пока ещё не была до конца оформлена: на свежеекрашенные стены предстояло наклеить виниловых кроликов и барсуков. Потом лобик Карсон сморщился, что предвещало очередной «концерт». Рене выхватила из поясной сумки пустышку, нагнулась и сунула её в рот испуганной девочке. Несколько мгновений малышка молчала, а потом раздалось раздражающее характерное чмокание.

Но это все же лучше, чем очередной раунд пронзительных воплей.

Молодая мать смотрела на водопад и пыталась понять: действительно ли ей становится лучше или эта искра надежды – снова иллюзия. Ответ всевозрастающей тяжестью оседал в затылке. Грозный признак.

Ей вспомнились слова подруг и родных:

– Только став матерью, ты поймешь, что значит любить, и это непреложный факт.

Рене крепче обхватила ручку коляски и принялась робко подталкивать её к краю ущелья, к его разъявленной гранитно-земляной пасти. Ладони увлажнились, на лбу выступила испарина. Сердце бешено колотилось.

Она ещё на несколько дюймов придвинула коляску к обрыву. Будет катить её и катить, пока та не полетит вниз. И она сама вслед за ней.

И всё будет кончено.

Рене собралась с духом, и вдруг взгляд зацепился за белую, как мел, фигуру на дне ущелья.

Обман зрения? Или это чья-то злая шутка?

Что бы это ни было, оно заставило Рене очнуться, удержало на краю пропасти.

Внизу у водопада на мшистом берегу лежало тело. Тело женщины. Обнажённое. Бледное. Мокрое. С согнутыми в коленях широко расставленными ногами. Труп.

Охнув, Рене отпрянула. Выпустила ручку коляски. Сердце теперь гулко стучало в груди. Было трудно дышать. Она снова шагнула к краю обрыва, чтобы лучше рассмотреть свою находку. Огляделась, проверяя, есть ли кто поблизости.

С трех сторон её окружала плотная стена хвойных деревьев. Будто она находилась в зелёной пещере, где в каменную тишину вторгался лишь шум воды, низвергавшейся на дно ущелья.

Здесь она была совершенно одна, если не считать обнажённого, призрачно бледного трупа. Она это ощущала каждой клеточкой своего существа. Именно в такие уголки, как этот, приходят те, кто хочет остаться наедине с самим собой.

Потому и она сюда пришла.

Рене подсоединила шнур от наушников к телефону и набрала три цифры.

– Кажется, я нашла труп, – сообщила она диспетчеру службы «911».

Карсон заплакала.

– Минуточку. Я должна взять на руки ребёнка, – объяснила Рене.

Прерывать разговор с оператором было вовсе не обязательно. Руки её были свободны. Но ей нужно было время. Однако, сказав это, она ощутила потребность прижать к себе малышку. Рене нагнулась, не без труда отстегнула ремни безопасности и бережно вытащила Карсон из коляски. Девочка была теплая и лишь чуть-чуть проявляла беспокойство. Рене немного покачала дочку туда-сюда, как учила её мама. Карсон тотчас же прекратила свою вялую возню. Взгляды матери и дочери встретились, безошибочно сообщая друг другу нечто большее, чем свои желания.

– Алло? Вы у телефона?

– Да, – подтвердила Рене. Она объяснила оператору, где находится, что видит, и пообещала дожидаться полиции.

– Я дождусь. Буду здесь.

Прижимая к себе малышку обеими руками, Рене не сводила глаз с безжизненного тела, что лежало внизу, на удалении более ста футов. Внезапно жизнь показалась ей столь хрупкой, столь драгоценной. Конечно, смерть стала бы избавлением от боли, что терзала её со дня рождения дочери. Однако смерть знаменовала конец. Безоговорочный и бесповоротный. Обратного пути нет. И нет возможности передумать.

Та девушка внизу на камнях пришла сюда с той же целью?

Бросаясь с обрыва, она по-прежнему была уверена, что поступает правильно?

Или, как Рене, в последний момент изменила своё решение?
И все равно сорвалась.

Глава 2

Линдси Джекман удавалось дышать. Каким-то образом. Руки стискивали руль, сердце бешено колотилось, разум силился сосредоточиться на поставленной задаче. После утреннего звонка и предостережения лейтенанта она была рассержена, растеряна, убита горем.

– У вас с ним слишком тесные отношения, – подчеркнул Мартин Мэдисон тихим голосом. – Я сам осмотрю место происшествия.

– Я тоже поеду.

– Нет.

– Он же мой напарник.

– У нас групп на водопаде Мейпл. Дежурный введёт тебя в курс дела.

Пока она выезжала со стоянки департамента полиции Ферндейла, диспетчер подтвердил информацию о месте обнаружения трупа. Линдси остро ощущала подле себя пустоту незанятого пассажирского кресла.

Фантом конечности.

Она пыталась сбросить с себя оцепенение, которое обычно охватывает человека при известии о внезапной и необъяснимой утрате. Этим утром жена её напарника, с которым Линдси работала в одной связке почти десять лет, обнаружила труп мужа в их гараже. Он сидел за рулем своего внедорожника в облаке выхлопных газов.

Едва она усвоила эти голые факты, в голове замельтешили одни и те же мысли.

Черт побери, Алан!

Как ты мог так поступить со мной?

С Пэтти? С Полом?

Водопад Мейпл находился на реке Норт-Форк – притоке реки Нуксак, что протекала вдоль автострады Маунт-Бейкер, неподалёку от канадской границы. Направляясь к месту происшествия, Линдси снова стала прокручивать в голове информацию, полученную от диспетчера.

– По словам женщины, она, как ей кажется, увидела труп у подножья водопада. Она напугана. Она не уверена. Возможно, там ничего нет. Вы знаете этот водопад, детектив?

– Там вечно тусуются подростки, – ответила Линдси, завершив разговор просьбой пригласить её кого-нибудь в помощь.

Река Нуксак брала начало на тающем леднике в Каскадных горах. В её верховьях течение было сильное, пенящаяся вода имела цвет почти молочной белизны, но по приближении к заливу Беллингем, в который она впадала, река становилась более спокойной и прозрачной. Одним из самых живописных мест на ней был водопад Мейпл, достигавший в высоту ста футов. Летом и в выходные к нему стекалось много народу – не то, что в будни, особенно после столпотворения в День труда. Это же не Ниагара. Скорее, место паломничества местных жителей, а не приезжих туристов, гоняющихся за завораживающими красотами, хотя пьяные любители селфи из их числа, задавшись целью запечатлеть себя на фоне водопада, бывало, срывались и разбивались насмерть. За последние пять лет три человека погибли, сорвавшись с обрыва. Один подросток из Канады выжил, но теперь до конца своих дней будет делать селфи только в инвалидной коляске.

В общем, место это считалось опасным, но в том, разумеется, и крылся секрет его привлекательности. В рекламном проспекте «Откройте для себя Уотком!», выпущенном в том году Управлением города Беллингема и округа Уотком по туризму, водопад даже не упоминался, – чтобы не подвергать людей опасности.

Но к тому времени это умолчание уже не помогало. Проспект «Откройте для себя Уотком!» все равно никто не читал. Информацию о том, чем стоит заняться в округе, люди узнавали в соцсетях.

Как и информацию о том, ради чего стоит умереть.

По дороге от департамента полиции Ферндейла до места происшествия Линдси размышляла о последней нелепой трагедии, думая о том, что подобные инциденты только провоцируют на безрассудство новых смельчаков, желающих попозировать на огромной высоте у края обрыва. Она мчалась вдоль реки. Мимо мелькали деревья, сливавшиеся в сплошную зелёную стену. Без мигалки. Без сирены. Незачем.

Итак, труп. Труп женщины.

Линдси снова взглянула на пустое пассажирское кресло.

– Наверное, кто-то из местных хотел выпендриться перед друзьями, – сказал бы Алан.

– Ты всегда так говоришь, – парировала бы она после продолжительной паузы.

– И всегда оказываюсь прав. Тебе ли не знать, Линдси? Ты же видела меня в деле.

Он засверкал бы в улыбке ослепительно белыми вставными зубами, дожидаясь от неё намеренно неубедительного возражения.

Они имели обыкновение подтрунивать друг над другом, обмениваться колкостями, как это принято у напарников, делающих одно дело, что требует полного контакта.

Алан Шарп в её жизни занимал одновременно место отца и лучшего друга. Его самоубийство, она знала, всегда будет тревожить её, – отчасти потому, что в его поведении она не видела никаких признаков такого поворота событий.

Она не догадывалась, сколь хрупкий он был по натуре и за улыбкой, которая всегда готова была появиться на его губах, скрывал глубокую душевную боль. Алан был предан своей семье и своей работе. Порой, приезжая утром в отделение и залетая в кабинет, Линдси сомневалась, что он вообще с вечера уходил домой. Спрашивать его об этом она давно перестала, так как он неизменно отрицал, что ночевал на работе, – даже когда она обнаружила одеяло и подушку, которые он прятал в шкафу с документацией, что стоял у его письменного стола.

И тем не менее, улыбка никогда не сходила с его лица. Он никогда не выказывал печали. Ничуть.

* * *

Под колесами закрипел гравий. Линдси на своём служебном внедорожнике въехала на маленькую стоянку и припарковалась возле седана марки «Тойота» – единственного автомобиля, который там находился до её прибытия. Рядом стояла женщина с ребёнком на руках.

– Миссис Джонс? – уточнила Линдси, выбираясь из машины.

– Да, это я, – подтвердила женщина. – Рене.

– Как ваше самочувствие? Такие находки, я знаю, болезненно отражаются на психике. К тому же, вы здесь не одна. – Линдси улыбнулась малышке.

– Я справлюсь, – заверила её Рене. – Но мне надо Карсон отвезти домой. Она должна немного поспать.

– Понимаю. И всё же давайте прогуляемся по тропинке. Вы расскажете мне, что видели. Много времени это не займёт. Я должна зафиксировать, что и как вы нашли. Коронер и криминалисты уже едут.

– Это там. – Рене взглядом показала в сторону водопада. – Она там, внизу. Под водопадом.

– Да, но вы всё равно должны мне показать, – настаивала Линдси. – Может, оставим коляску в машине? Незачем тягать её по той вязкой тропе. – Хотя колёса коляски, как заметила Линдси, уже покрывала короста запекшейся грязи. И чем только думала эта женщина?

Она помогла Рене убрать коляску в багажник «тойоты». Та взяла с заднего сиденья рюкзак-переноску для младенцев, посадила в него девочку.

– Много времени это не займёт, – повторила Линдси. Рене водрузила рюкзак с дочкой на спину. – Просто расскажите, что вы слышали и видели. Когда приехали сюда? Зачем? Изложите самые основные факты. Они нужны мне для отчёта.

Рене закрепила на себе рюкзак и повела детектива по глинистой тропинке.

– Я приехала сюда примерно час назад. Мне нравится здесь гулять. Тут так тихо. Никого нет. Не знаю, мне казалось, здесь так спокойно. А мне нужно было передохнуть.

– Сколько ей?

– Карсон полгода, – ответила Рене. – Скоро исполнится семь месяцев.

– Красавица она у вас.

Линдси заметила, что сдержанная печальная улыбка на губах Рене постепенно угасала по мере того, как они приближались к водопаду. Слышался грохот воды, низвергавшейся на лежавшие внизу валуны со стофудовой высоты. Сквозь кроны клёнов, образовывавших свод над тропинкой, сочился свет, но потом клёны сменили Дугласовы пихты и плачущие силуэты западных тсуг, и их накрыла пещеристая полумгла. У самой пропасти, где находилась главная смотровая площадка, солнечные блики, озарявшие тропинку, и вовсе исчезли.

– Вы здесь были совсем одна? – уточнила Линдси.

– Да.

– Видели кого-нибудь?

– Нет. – Рене поморщилась, поправляя на себе лямку рюкзака, врезавшуюся в её худенькое плечо. – Я вообще такое увидела в первый раз, – добавила она. – Правда. Лучше б не видела.

Линдси кивнула и несильно сжала локоть молодой женщины. А что тут скажешь?

Они подходили к ревущему водопаду. Линдси обратила внимание на колеи, оставленные коляской, и следы от грязных туфель Рене, отпечатавшиеся на мокрой тропинке. Никаких других следов не было. Её напарник, знала Линдси, стал бы сетовать, что прошедший ночью проливной дождь, смыл все возможные улики. Она поймала себя на том, что думает словами Алана Шарпа, даже голос его звучал в голове.

Пикнул её телефон. Она бросила на дисплей раздражённый взгляд.

Пэтти хочет организовать 17-го скромную панихиду.

Чертово самоубийство. Она сама не своя.

Линдси проглотила комок в горле и снова сосредоточилась на обследовании места происшествия.

Рене остановилась в нескольких шагах от края обрыва. Ещё раз посмотреть на тело ей было необязательно.

– Там, – показала она. – Справа.

Затаив дыхание, Линдси посмотрела с обрыва вниз. Казалось, водопад похож на длинную туманную ленту, которая, словно стрела, указывала точно туда, где лежала мёртвая женщина.

Обнаженная мёртвая женщина.

Одежды нигде видно не было.

Линдси сомневалась, что жертва покончила с собой, но точно сказать этого не могла, а опираться на догадки на начальном этапе следствия не имело смысла: ни к чему хорошему это не приведёт. Прежде требовалось собрать вещественные доказательства, установить личность погибшей и причину смерти, поэтапно отследить её передвижения и только потом выдвигать предположения. В этом не было равных Алану. Зачастую он выстраивал версии со сверхъестественной проницательностью.

А значит, пока у неё ничего нет.

Глава 3

Департамент полиции Ферндейла прислал двух сотрудников для оцепления места происшествия. Следом за ними через несколько минут притащились два окружных криминалиста – Тим и Тэм. На их плечи ложилась самая важная часть расследования: сбор вещественных доказательств.

Линдси и криминалисты стали спускаться к тому месту, где лежал труп.

– Мама любит гулять по берегу на Ламми⁴, – сказала Тамара Оливер. – Я всегда мысленно морщусь, представляя, как она находит оторванную ногу или труп, принесённые водой из пролива. Несмотря на занятие, которым я зарабатываю на жизнь, мама, в отличие от меня, не выносит вида крови.

– А это точно твоя мама? – съязвил Тим Артур.

– Да, если верить вещественным доказательствам, – парировала она. – Тебе, Тим, наверно, этого не понять, ведь ты воспитывался в семье медиков. Кровь и кишки были излюбленной темой ваших застольных бесед.

– Семейный бизнес. – Тим обнажил в улыбке полный рот зубов.

Линдси с болью и тоской слушала шутливую перепалку криминалистов. Такие же задиристо-дружеские отношения связывали и их с Аланом.

Тэм, словно прочитав её мысли, выразила сочувствие:

– Линдси, мне очень жаль, что Алан погиб. Соболезную.

Известия о трагедиях среди полицейских распространялись со скоростью света.

– Да, – отозвалась она. – Таких, как он, мало.

Они спустились на дно ущелья, где стелился зыбкий туман, и стали пробираться к трупу, который этим утром обнаружила Рене Джонс.

Стоило только подойти к погибшей на двадцать футов, как в нос им ударил едкий запах разлагающегося тела.

– Сними крупным планом, – попросила Линдси.

Тим защелкал цифровым фотоаппаратом, который издавал такие же звуки, что и старинный однообъективный зеркальный фотоаппарат, – для пущего эффекта, разумеется. Линдси недоумевала. Вот зачем, скажите на милость, новые технологии имитируют аналоговый мир? Это же глупо. Сколько раз она говорила Алану, что его традиционный сигнал телефона – обычный звонок – выдаёт его возраст так же красноречиво, как и широкие брюки с защипами, что он обычно носил.

А он в ответ высмеивал её любовь к энергетическим напиткам и бездумному листанию контента в телефоне.

Погибшей на вид было лет двадцать пять, может, меньше. Скончалась она, на первый взгляд, дня два назад: окоченение уже исчезло. Кожа утратила цвет. Женщина была худой, но не из-за недоедания. Татуировки отсутствовали. На теле никаких характерных примет, не считая ссадин в виде полос на спине. Результат падения? Или, может быть, эти повреждения появились раньше? На все эти вопросы коронер даст ответы в своей лаборатории, которая находилась в Беллингеме, в сорока минутах езды от места происшествия.

– Никаких следов, – констатировал Тим, внимательно осмотрев руки погибшей.

– Да, выглядит вполне здоровой. В хорошей физической форме. Волосы недавно подравнивала. Ни одного секущегося конца.

Один из полицейских сверху крикнул, что он обнаружил окурки и мусор.

– Одежды нет, – доложил он.

⁴ Ламми – остров в юго-западной части округа Уотком (штат Вашингтон, США).

– Неужели? – отозвалась Тэм.

– Я имел в виду здесь, наверху, – пояснил полицейский, краснея от смущения.

Линдси убрала с шеи жертвы увлажнившиеся от тумана волосы длиной до плеч. Они увидели синяки, указывавшие на то, что девушку, возможно, задушили. Не исключено, что она была мертва до того, как упала на каменистое дно ущелья.

– Расширьте зону поиска, – крикнула она. – Может, что и найдёте.

Тэм отвела Линдси в сторону.

– В голове не укладывается то, что случилось с Аланом. Мы знаем, что вы с ним были близки. Линдс, если вдруг понадобится помощь, обращайся.

В ответ она просто кивнула.

А что тут скажешь?

* * *

Впервые почти за десять лет Линдси предстояло в одиночку распутывать преступление. Прежде с ней всегда был Алан Шарп, – сначала в роли наставника, затем напарника, потом близкого друга. И наконец – в качестве псевдоотца. Они были как инь и ян, между ними никогда не случалось сколь-нибудь значимых разногласий. Глядя на труп, Линдси знала, что Алан сейчас озвучивал бы десятки версий о том, что могло произойти с Джейн Доу⁵. Те же самые, что мысленно перебирала она сама. Но Линдси слушала бы его, не перебивая, потому как ему нравилось размышлять вслух. Он вовсе не строил из себя умника. Нет. Просто это была его манера. Своеобразный метод обследования места происшествия.

Криминалисты закончили свою работу, и белый фургон coronera, без опознавательных знаков полиции, повез тело в окружной морг.

Линдси последней покинула место происшествия. Она обвела взглядом стоянку, посмотрела на тропу, что вела к водопаду. Она не бывала здесь много лет. Отдалённый гул падающей воды – естественный белый шум – подчеркивал безмятежность окружавшего её безмолвия. Линдси сомневалась, чтобы какая-то женщина сама, раздевшись догола, отправилась по этой тропинке к водопаду и бросилась с обрыва вниз. Никакой одежды поблизости не нашли. И брошенной машины тоже.

Значит, кто-то принёс её туда, бесчувственную или уже мёртвую. И сбросил, словно мусор, на лежавшие внизу мшистые камни.

⁵ *Джейн Доу* (Jane Doe) – неопознанное тело в терминологии правоохранительных органов США.

Глава 4

17 сентября 2019 г., вторник

Деминг, штат Вашингтон

Каменная часовня в Деминге, построенная в 1933 году, недавно была отреставрирована группой горожан, убеждённых в том, что, если старое здание не отремонтировать, оно станет пристанищем наркоманов и подростков-бездельников, которые, за неимением более достойных занятий, будут краскораспылителем рисовать на его стенах всякую дрянь. Вандалы мгновенно бы учуяли дух упадка и разрушили часовню. Никто бы и опомниться не успел.

В тот день после обеда стоянка у церкви и обочины дороги, ведущей к ней, были заставлены полицейскими автомобилями со всего штата Вашингтон. Алан погиб не при исполнении служебного долга, но в академии, расположенной к югу от Сиэтла, на протяжении многих лет он вёл годичный курс по использованию всех возможных ресурсов для борьбы с наркоэпидемией, косившей маленькие городки и сельские поселения. Его внезапная смерть собрала вместе огромное количество молодых людей, которые когда-либо учились у него.

Линдси и её бывший муж Джек сидели во втором ряду, сразу же за женой Алана Пэтти и их сыном Полом. Лейтенант Мэдисон и его многострадальная супруга Пег занимали места в конце того же ряда, довольно близко от них, так что до Линдси доносился табачный дым каждый раз, когда лейтенант затягивался сигаретой.

Впереди на подставке стоял портрет Алана, сделанный для газеты в ту пору, когда ему вручили награду за работу с молодёжью. Увеличенное чёрно-белое фото, выставленное перед теми, кто пришёл почтить память Алана, в полной мере передавало сущность его натуры. Серебристая седина в волосах. Кремнистый блеск в глазах. И улыбка. Улыбка, отбивающая всякую охоту улыбнуться в ответ. Руки сложены на груди – традиционная поза героя. Мужчины в такой позе на рекламных щитах о продаже домов выглядели глупо и нелепо, а вот Алан производил солидное впечатление.

Пол Шарп приобнял за плечи мать, вжавшуюся в церковную скамью со спинкой.

Линдси достала салфетку, внимая пастору. Высокий мужчина в очках с овальными линзами в тонкой металлической оправе, он говорил о загадочности депрессивного состояния и скрытой боли, о том, что любовь, окружавшая Алана, всё равно не сумела бы его спасти.

– Бывают трагедии, причины которых очевидны, – рассуждал пастор. – Например, страшная автокатастрофа. Так вышло, говорим мы. Несчастный случай. Это большое горе, но в подобных ситуациях редко задаются вопросом «Почему?».

Пол при каждом слове, произнесённом пастором, ободряюще стискивал мать за плечи.

* * *

Алан Шарп не был религиозным человеком, – в отличие от жены. Пэтти была воспитана в лютеранской вере, но много лет назад примкнула к евангелической общине, в надежде, что муж будет вместе с ней посещать церковные службы. И он посещал, но лишь от случая к случаю. Для панихиды по мужу Пэтти выбрала часовню в другом городке, отчасти из нежелания встречаться со знакомыми, которые наверняка стали бы задавать ей вопросы, не имевшие простых ответов. Но ещё и потому, что эта старая каменная церковь нравилась Алану.

Год назад они были здесь на свадьбе.

– Здесь хорошо, – отметил он тогда. – В старинной церкви, пропитанной духом истории, куда сильнее ощущается атмосфера подлинной религиозности, нежели в том современном храме-клубе, который мы посещаем.

Пэтти в ответ только улыбнулась.

Сейчас, сидя на церковной скамье рядом с взрослым сыном, слушая речь пастора, который говорил о незнакомом ему человеке так, будто они с ним были близкие друзья, она, как ей казалось, подобно Линдси Джекман, предавалась воспоминаниям – мысленно прослеживала череду событий того утра, когда умер её муж.

Словно смотрела фильм, от которого невозможно оторваться.

* * *

9 сентября 2019 г., понедельник

Ферндейл, штат Вашингтон

Лежа в постели, Пэтти протянула в сторону руку и не нащупала подле себя мужа. *Странно*. С тех пор, как они с Аланом поженились, за редким исключением она всегда вставала первой. Пэтти спустила ноги на пол, надела халат нелепого розового цвета, что Пол подарил ей в прошлом году на Рождество, и зашлёпала на кухню, думая, что Алан там, читает газету за чашечкой кофе.

Было самое начало шестого утра.

– Алан? – окликнула она мужа.

Ответа не последовало.

Она вставила капсулу в кофе-машину, захлопнула крышку. Пока вода нагревалась до кипения, заваривая кофе, Пэтти пыталась вспомнить, была ли у Алана на этот день намечена ранняя встреча. Точно. Он собирался выпить кофе с Линдси. Но ведь сейчас ещё очень рано. Никто не назначает встречу на столь ранний час. Накануне спать он лёг поздно. Она спросила, всё ли у него хорошо, и он, прижавшись к ней, сказал, что лучше не бывает.

– Просто не спалось.

– Да ты холодный, как лёд, – заметила она.

– Прости. Прости и за это тоже.

Только теперь она задумалась о тех его словах.

Тоже.

За что ещё он извинялся? Что значит «тоже»?

Из чашки с кофе поднимался пар. Пэтти отпила маленький глоток. *Слишком горячий*. Она обвела взглядом кухню, и заметила, что в раковине посуды нет. Выходит, Алан не заваривал себе кофе. Обычно он споласкивал чашку и оставлял её в раковине, чтобы жена потом поместила в посудомойку. У них это был своеобразный ритуал. Она не могла понять, что её мужу мешает сделать лишний шаг и самому убрать чашку в посудомоечную машину. *Может, и убрал*. Пэтти проверила посудомойку. Нет, ничего.

Алан по утрам шагу не мог ступить, прежде не подзаправившись солидной дозой кофеина.

Дом у них был не очень большой. По пути на кухню она прошла мимо его пустого кабинета. Пэтти постояла в гостиной. Из гаража доносился шум.

Рокот включенного двигателя.

О, подумала она, так он как раз уезжает.

* * *

Она распахнула дверь в гараж, и в лицо ей ударили клубы вонючего дыма. Чашка выпала у неё из рук, горячий кофе обжог ногу. Она вскрикнула. *Только не это!* Должно быть, у Алана случился сердечный приступ или ещё что-то. Отворачиваясь от дыма, она наощупь стала искать кнопку, чтобы открыть ворота гаража. Нашла. Ворота начали подниматься, выхлопные

газы выветривались из помещения. Когда дым рассеялся, Пэтти поняла, что это никакой не несчастный случай.

От выхлопной трубы в окно со стороны пассажирского сиденья тянулся тёмно-зелёный садовый шланг, плотно зажатый стеклом.

Снова вскрикнув, она кинулась к дверце со стороны водителя. Через стекло разглядела Алана, уронившего голову на руль.

– Господи, только не это. Алан, что ты наделал? – запричитала она.

Пэтти принялась судорожно дёргать ручку дверцы, пытаясь её открыть. Та была заперта. Она пошла вокруг машины, пробуя открыть другие дверцы. Голова кружилась. Пэтти откашливалась, силясь изгнать из лёгких угарный газ. Она бросилась назад в дом, с полки у холодильника схватила телефон и запасные ключи от машины.

Кашляя в трубку, назвала свое имя. Служба «911» записала свой разговор с ней.

Пэтти: Это Пэтти Шарп. Помогите. Думаю, мой муж сильно травмирован или, может быть, умер. Господи, скорее, прошу вас. Мой адрес: Семьяму-Вей, 589. Его зовут Алан Шарп. Он служит в департаменте полиции Ферндейла, детектив. Скорее!

911: Пэтти, успокойтесь. «Скорая» уже едет. Будет через четыре минуты. Расскажите, что случилось.

Пэтти: Я обнаружила его в гараже. Мотор включен. Шланг... [Кашель, всхлипы, пиканье автомобильного брелока]. Господи, Алан, нет...

911: Пэтти? Пэтти?

[Приглушенный шум].

Пэтти: [Кашляя]. Да, я вас слышу.

911: Пэтти, покиньте гараж. Немедленно. Иначе отравитесь угарным газом. Вы это понимаете?

Пэтти: Да. Только это я и понимаю. О боже, Алан. Почему это случилось? Почему?

[Приближающийся вой сирены машины «скорой помощи»].

911: Пэтти, «скорая» уже на месте. Не кладите трубку, пока не увидите медиков. Надеюсь, ваш муж поправится. Держитесь, Пэтти.

Пэтти: Спасибо.

* * *

17 сентября 2019 г., вторник

Пэтти Шарп сидела на церковной скамье и, предаваясь воспоминаниям, одновременно думала, что ей следует рассказать о том утре. Не навредит ли это? Не вызовет ли вопросы, на которые она не хочет отвечать?

В общем, все как в кино.

Глава 5

17 сентября 2019 г., вторник

Ферндейл, штат Вашингтон

Во дворе дома Шарпов поставили столы, застеленные бледно-розовыми скатертями. Вовсе не потому, что это был любимый цвет Алана. Бледно-розовые скатерти были куплены для вечеринки, которую Пэтти организовывала для одной беременной женщины из их религиозной общины по случаю скорого рождения её ребенка, и часть из них не была использована.

По окончании панихиды все, кто присутствовал на церемонии, отправились на поминки в дом Шарпов. Пэтти и Пол, стоя у входа, встречали прибывающих словами благодарности.

Говорил один Пол. Его мать стояла рядом, обхватив себя руками. Её была дрожь.

– Мы с мамой искренне вам признательны, – повторял он срывающимся голосом. – Не забывайте говорить близким, что вы их любите. Как знать, может, другого шанса и не представится.

Дом превратился в движущуюся массу воспоминаний и соболезнований, которая ширилась и сжималась каждый раз, как открывались двери. Гости делились на две категории. Одни выстроились в очередь, чтобы выразить сочувствие вдове и сыну. Молчаливые, неподвижные, они стояли, силясь подобрать добрые слова, которые смягчили бы боль утраты. Другие толпились вокруг классического современного обеденного стола, уставленного блюдами с нарезкой комнатной температуры и горшочками с застывшей запеканкой из овощей и мяса – скорбной пищей для поминовения усопшего.

* * *

Позже Линдси нашла Пэтти в кухне. Та облила чем-то своё голубое платье и теперь пыталась стереть пятно. Пэтти была крепко сбита женщина около пяти футов ростом; её отличал консервативный подход к жизни. Занимаясь стряпней, она обязательно надевала фартук, и по привычке вырезала из журналов скидочные купоны. Делала она это вовсе не из экономии, а неосознанно: срабатывала мышечная память о детстве, проведенном в бедности. Алан каждую неделю приносил на работу лишние купоны.

– Помочь? – спросила Линдси.

Жена Алана наконец-то взглянула на неё. Глаза у Пэтти были опухшие, макияж, что она утром аккуратно нанесла на лицо, перекочевал на салфетку.

– Мне никто не в силах помочь, Линдси.

– Ты всегда можешь на меня положиться.

– Да, наверное. – Тон у Пэтти был невыразительный, пожалуй, даже немного пренебрежительный.

Слова Пэтти уязвили Линдси. Привели в смятение. Неужели Пэтти хотела её обидеть?

– Что происходит? – спросила Линдси, ближе подходя к ней.

Пэтти отступила на шаг. Положив губку, которой оттирала пятно, сказала:

– Послушай, я вовсе не злюсь на тебя.

Именно что злишься, заключила Линдси.

– Тогда в чём дело? Я ведь хочу помочь.

– Алана больше нет. Он покончил с собой. И я понятия не имею, что толкнуло его на этот шаг. Да, меня переполняет гнев. И, если честно, Линдси, я завидую тебе, ведь ты, скорей всего, знала его лучше, чем я.

– Я не знаю, почему он на это решился, – отвечала Линдси. – Ничто не предвещало этой трагедии. Алан был счастлив. Он любил тебя и Пола. Я тоже в полнейшем недоумении.

– Ты проводила с ним больше времени, нежели я.

– Он любил тебя, Пэтти. Что ещё случилось?

Пэтти посмотрела на испачканное платье.

– Вот, не могу вывести это чёртово пятно. Алану нравилось это платье, потому я сегодня и надела его. А теперь оно испорчено.

Пэтти не шла на откровенность.

– Налить содовой? – предложила Линдси.

– Нет, лучше «7Up».

Женщины улыбнулись, качая головами.

Линдси обняла Пэтти. От жены Алана, теперь его вдовы, пахло духами с неярко выраженным древесным ароматом. Шею её обвивала двойная нитка коралловых бус – сувенир с Гавайев, куда они с мужем ездили на годовщину своей свадьбы. Серебряная застежка сдвинулась чуть вперед. В любой другой день Линдси не преминула бы указать ей на это.

Но не сегодня.

Вместо этого она сказала:

– Вот, честно, не знаю, как я буду обходиться без него.

– Он относился к тебе, как к дочери, – произнесла Пэтти.

– Спасибо. Я искренне тебе сочувствую.

* * *

Пэтти успокоилась и села во дворе, ковыряясь в тарелке. Время от времени кто-нибудь из гостей представлялся ей. Она благодарила их за то, что пришли на поминки. Пэтти больше не плакала. Понимала, что должна каким-то образом принять тот кошмар, в который со смертью Алана превратилось её существование.

Конечно, их совместную жизнь, бывало, омрачали тревога или депрессия, но так сразу и не вспомнишь эти моменты. Окружающим Алан представлялся озорным бесшабашным человеком, несмотря на невесёлый характер его работы в качестве детектива. А он был одержим своей работой. Порой она видела, как муж сидел в своём кабинете, просматривал следственные материалы, потягивая виски из бокала, который он время от времени наполнял. Изучая какое-нибудь дело, что-то бормотал себе под нос, иногда заплетающимся языком. Она знала, что в это время лучше к нему не подходить, не заглядывать в документы, что лежали перед ним. Один раз она допустила такую ошибку и потом уже не могла стереть из памяти образ маленького мальчика с каштановыми волосами, обезображенного сигаретами матери, которая выжгла на его теле рисунок в виде Малой Медведицы. Она охнула в ужасе, Алан резко развернулся к ней лицом в своём вращающемся кресле.

– Дорогая, – сказал он, – не надо подходить близко. Не надо тебе это видеть.

– Да, ты прав, Алан, – согласилась Пэтти, отступая к двери. – Не надо. Скажи, что с этим мальчиком? – Она была не в силах оторвать взгляд от бедра ребёнка. Ожоги ему нанесли в таком месте, где их никто не мог видеть.

Изошренная пытка, о которой посторонние не должны знать.

– Его отдали на воспитание в другую семью, – ответил Алан, убирая материалы дела с глаз жены. – С ним всё будет хорошо.

Со своего места у выхода Пэтти увидела пометку на папке: дату и одно единственное слово, написанное в верхней части фото.

Убийство.

* * *

На долю Линдси тоже выпало горе. Вскоре после того, как она поступила на службу в департамент полиции Ферндейла, её мать умерла от рака груди. Смерть мамы перевернула всю её жизнь, но она хотя бы знала, что это несчастье произойдет. У них с мамой бывали и радостные моменты, когда они размышляли о будущем и смеялись над событиями прошлого. Пэтти и её сын были лишены такой возможности.

Ещё вчера Алан был жив, а сегодня его уже нет.

Линдси нашла Пола. Тот стоял в углу с маленькой тарелкой в руках. К еде, что была на ней, он почти не притронулся, как и Линдси – к своей.

– Папа даже не догадывался, что его любят так много людей, – произнес Пол.

Линдси взяла туго свёрнутый рулетик из салями и проволоки, чем-то напоминавший сигарету. Ей хотелось закурить. Пока делаешь затяжку, можно подумать, что сказать, если с ходу не находится нужных слов.

– Хороший он был человек, – отозвалась она. Банальнее фразы не придумаешь. Но это всё, что пришло ей на ум.

Полу было двадцать лет. Широкоплечий парень с резко очерченным подбородком, словно вырубленным из камня. Глаза тёмные, как у отца. Он и красив был, как отец, только по-другому. За последние лет десять, отметила Линдси, мужчины взяли моду выставлять напоказ свою мужественность. Бритые. Мускулистые. Дерзкие.

Пол был славный парень.

Чуткий.

– Такого напарника, как твой отец, у меня никогда не будет. Мне всегда его будет не хватать.

– Да, – кивнул Пол. – Он был замечательный человек. Доброе сердце.

Линдси проглотила последний кусочек своей колбасно-сырной сигареты.

– Просто в голове не укладывается, – сказала она, глядя на стол с фотографией его отца, жетоном и наградами Алана.

– Да. У меня тоже.

Какая-то женщина подошла к Полу, чтобы выразить свои соболезнования, и Линдси поспешила прочь.

Я помогла бы тебе, Алан.

Глава 6

В тот вечер, когда Линдси закрыла за собой дверь своего дома на Олдер-Вей, её встретило ощущение пустоты. Тишина царила в маленьком коттедже, который достался ей после развода. В тридцать пять лет она не имела ни мужа, ни детей. Не сказать, что она была повенчана со своей работой, но, в действительности, она жила и дышала только тем, что извещало о преступлениях – телевидение, книги, подкасты, – и затруднилась бы назвать, какое у нее хобби и, тем более, страстное увлечение.

Линдси положила программку панихиды на кухонный стол и достала из холодильника ледяное пиво. Она воспитывалась в большой семье, где было принято умерших поминать спиртным. На поминках в доме Алана ей хотелось выпить.

Линдси села за кухонный стол, старый стол в стиле пятидесятых годов. Чтобы он не шатался, под одну ножку она подложила сложенную салфетку. Линдси стала просматривать сообщения в телефоне.

После панихиды Джек не поехал с ней на поминки, но прислал несколько сообщений.

Алан был отличный парень.

Мне он всегда нравился.

Мне жаль, что на тебя это всё свалилось.

И ещё: детка, я скучаю по тебе.

Линдси глотнула пива. С Джеком она рассталась более года назад. Он работал на целлюлозно-бумажном комбинате в Беллингеме, где занимал должность руководителя среднего звена. Оригинальностью он её не удивил. Это было столь очевидно, что вспоминать стыдно. Началось всё с того, что человек, которого она любила – с которым состояла в браке шесть лет, – по достижении сорока лет вдруг превратился в классический образец мужчины, переживающего кризис среднего возраста. Он зачастил в тренажерный зал. Потом у него появилась новая одежда по рекомендации какого-то стилиста из Интернета. Потом ни с того ни с сего он стал душиться одеколоном.

Кто этот человек?

По этому поводу Линдси недоумевала дольше, чем следовало, пока наконец-то не возник резонный вопрос.

Кто та другая женщина?

Как оказалось, тоже классический вариант. Двадцать пять лет, стройная, красивая, обожает его. К тому же, его секретарша. Линдси старалась давить в себе ненависть к ней. В конце концов, изменяла не *она*, а муж. Одному богу известно, что он говорил об их браке своей новой возлюбленной, когда проводил с ней время в мотеле «Шангри-Ла» на Сэмиш-Вей.

Господи, какой позор!

– Джек, ну ты даешь! «Шангри-Ла»? Ты что – жалкий студентка, у которого нет кредитной карты?

– Линдси, не будь такой злой.

– А ты не будь дураком, Джек.

– Прости, Линдси, – сказал он, когда она спросила его в лоб. – Мне очень жаль. Честно. Я не хотел, чтобы так получилось. Само собой вышло.

Линдси не плакала. Её разъедал гнев. И стыд: об измене мужа она узнала последней. Она даже голос не повысила.

– Само собой ничего не случается, Джек, – наконец сказала она ему. – Всё происходит по воле *людей*. Ты допустил, чтобы это произошло. А причину я даже знать не хочу. Мне это неважно. Всё это затеял ты сам.

– Тебя почти никогда нет дома, – заявил он. – Мне было одиноко.

– Джек, ты это серьезно? Ничего другого я и не ожидала услышать. Это меня не бывает дома? Я не разъезжаю по конференциям. Хотя теперь мне понятно, что тебя манило в командировки. Да, я много работаю, делаю нужное дело, но при этом не торчу на работе столько, сколько ты. Поправка: я думала, что ты там работаешь.

– Вообще-то я работал, – возразил Джек.

– Я не собираюсь с тобой спорить. Ты думаешь, что полюбил другую женщину. Прекрасно. Значит, нашему браку конец. Я даже не буду пытаться его спасти. Не могу. Измена есть измена.

– Я боялся, что твоя реакция будет куда хуже, – произнес он.

Линдси хотела сказать мужу, что она всё ещё его любит, что она потрясена и готова отдать что угодно, лишь бы этого разговора никогда не было. Не сказала. Она нарастила на себе защитный панцирь, под которым обычно прятала свою ранимость. А ему открыла душу. И это было больше всего. Он же знал, какая она. И всё равно обидел.

– Той девице, с которой ты закрутил роман, на тебя плевать, – заметила Линдси.

– Ее зовут Уиллоу. – Джек встал, собираясь уйти. *Уиллоу*. Ну и имечко! – Мне жаль. Я никогда не ставил перед собой цель причинить тебе боль, Линдси. Мы с Уиллоу любим друг друга. Хотим жить вместе. Может быть, на Бали или ещё где-нибудь.

На Бали? Кто этот незнакомец?

Линдси метнулась к выходу, повернула ручку двери и распахнула её.

– Уходи, – отчеканила она, не глядя на мужа.

И он ушел. По крайней мере, так обстояли дела до тех пор, пока Уиллоу не решила, что она больше не любит Джека и не хочет жить на Бали. Это случилось две недели назад. Она написала Джеку прощальную эсэмэску и исчезла. Джек, по словам их общих друзей, был ошеломлён. Такого исхода он не предвидел. Уиллоу была девушка его мечты, его фантазия, внезапно воплотившаяся в реальный образ. Идеальная эскортница, смотрит в рот своему патрону. Безукоризненно ухоженная, с гладкой белой кожей, она говорила Джеку, что он – великолепный любовник, лучше у неё никогда не было.

Что, кроме него, ей никто не нужен.

А потом нашла нового.

Любовный роман Джека имел столь же предсказуемо неизбежный невразумительный конец, как и вся траектория его кризисного периода. Линдси Джек сказал, что чувствует себя идиотом, и у неё возник вопрос: знает ли он, что все друзья и знакомые тоже считают его дураком? Он снял квартиру в центре города, прямо над итальянским рестораном, и теперь каждое утро, когда являлся на работу, от него пахло оливковым маслом и чесноком. Уиллоу, к её чести, не была интриганкой. Она не докладывала всем и каждому об их отношениях, подчёркивая, что это идет вразрез с правилами компании.

А могла бы.

Джек был ей настолько безразличен, что она сразу про него забыла. Правда, Уиллоу перешла на другую должность – секретаря-референта директора комбината. Все сотрудники считали это серьёзным повышением. Кроме того, директор был холост.

Вечером после панихиды и поминок, сидя в темной кухне с очередной банкой пива в руке, Линдси и не думала предаваться сожалению. Алан был для неё той жилеткой, в которую она выплакивала свою боль. И он сказал ей: если хочешь простить мужа, прости.

– Какое бы решение ты ни приняла, – добавил он, – пойми одно: как раньше уже не будет. До конца жизни ты будешь задаваться вопросом, правильно ли ты поступила. И не сумеешь прятать свои чувства. Они всю душу тебе изъедят. Поверь мне.

В ту пору она не сомневалась в правоте его слов. Теперь, когда вспоминала тот его совет, что-то не давало ей покоя. *Поверь мне*. Что Алан имел в виду? Что у них с Пэтти были проблемы? Или он намекал на что-то другое?

* * *

Линдси спала на той же половине кровати, что и всегда, хотя в свое время упрекала Джека за то, что он занял сторону у окна. Летом ветерок обдувает. Зимой луна светит. Она легла в постель, чувствуя себя одинокой, как никогда. Более одинокой, чем в ту пору, когда умерла её мать. Закрыв глаза, Линдси прокручивала в уме события дня. Потом вспомнила тот день, когда Пэтти обнаружила Алана мертвым в гараже. Потом копнула ещё глубже: за неделю до гибели в кафе «Голландец» Алан был сам не свой. На её вопрос он ответил: ничего особенного.

– Так, пустяки.

Она воздержалась от выпытывания подробностей, пока они стояли в очереди за кофе. Хотела, чтобы он сам нарушил молчание и объяснил. Но Алан сменил тему.

– Линдси, возьмишь мне кофе, ладно? – Он вручил ей десять долларов.

– Не надо, – отказалась она, возвращая ему деньги. – То есть, да, возьму, конечно. Моя очередь платить.

– Спасибо, – поблагодарил он, направляясь к выходу.

Двигаясь в очереди, Линдси в окно заметила Алана на улице. Он стоял на тротуаре у своей машины и говорил с кем-то по телефону. В следующую секунду она отвернулась. Ей казалось, она увидела то, что не предназначалось для её глаз. Выражение лица у него было необычное.

Он был возбужден или взволнован?

Трудно сказать.

Лежа в постели с закрытыми глазами, Линдси анализировала тот случай. Может, это как раз и был тот «звоночек», который она проигнорировала. Теперь она жалела, что не спросила Алана, с кем он тогда говорил по телефону. Он был очень скрытен относительно своих «пустяков», и ей не хотелось отталкивать его. Она его уважала. *Восхищалась* им. Линдси понимала: желание помочь может быть воспринято как назойливость и любопытство. Она повернулась на бок и упёрлась взглядом в подушку – в ту самую, на которой спал её бывший муж. Она поменяла положение и укрылась одеялом.

Когда она поинтересовалась у Алана, что случилось, он извинился за свою необычную замкнутость.

– Да так, думаю о том, о сём, – объяснил Алан.

Теперь она понимала, что те его слова знаменовали конец, как засевшие в памяти последние строчки прочитанной книги.

Если бы она проявила настойчивость, может, удалось бы его спасти?

Линдси знала, что это бессмысленная игра разума, которую она вела сама с собой. Ответов про Алана, она, должно быть, никогда не узнает.

А вот о гибели девушки, обнаруженной у водопада, должна узнать всё.

Глава 7

11 сентября 2019 г., среда

Ферндейл, штат Вашингтон

Стол напротив Линдси по другую сторону прохода служил постоянным напоминанием.

Наставника, который был ей надежной опорой, больше нет.

Убийство девушки, обнаруженной у водопада Мейпл, ей предстоит расследовать в одиночку.

Линдси посмотрела на часы и приступила к работе. Во второй половине дня в офисе коронера округа Уотком, в залитой флуоресцентным светом прозекторской с облицованными плиткой стенами, будет произведено вскрытие погибшей. Изучив сводки происшествий, она составила список пропавших женщин в возрасте от пятнадцати до сорока лет. Некоторые весьма отдаленно подходили под описание жертвы, но несколько точно ему соответствовали. Линдси проверила район вокруг места обнаружения трупа девушки, уточнила, откуда поступили звонки о пропавших женщинах. Как минимум, шесть из них соответствовали данному случаю, но на самом деле это ничего не значило. Некоторые убийцы, начитавшись в Интернете статей о работе полиции и насмотревшись криминальных телесериалов, научились замечать следы и действовали грамотно и аккуратно.

По мнению Линдси, существовало три главных правила, которых придерживался опытный убийца: держи рот на замке; не оставляй на теле жертвы собственный биологический материал – жидкости, ткани, скрытые отпечатки; и, наконец, никогда не бросай труп рядом с собственным домом.

Каждый из этих принципов имел важное значение, и вкуче они давали тройную гарантию безнаказанности, провоцируя на новое убийство.

К ней в кабинет заглянул лейтенант Мэдисон.

– Есть новости по жертве с водопада Мейпл?

Линдси сообщила лейтенанту, что вскрытие Джейн Доу назначено на вторую половину дня и она будет докладывать ему обо всех предварительных результатах.

– Я нашла несколько возможных кандидатур. – Линдси показала на список пропавших женщин на мониторе своего компьютера. – Через несколько часов у нас будет более точная информация. Я также проверяю сведения о насильниках: кто недавно освободился и так далее. Мы поймем, где копать, как только выясним, откуда она.

– И где её убили, – добавил лейтенант Мэдисон.

– Это тоже.

Лейтенант посмотрел в сторону стола Алана.

– Надо его личные вещи собрать. Пэтти наверняка захочет их взять. – Его взгляд заскользил по коллекции фигурок бейсболистов «Маринерс»⁶ с большими головами, которую собирал Алан, по благодарностям в чёрных рамках за отличную службу в полиции, среди которых была наградная фотография за работу со школьниками. Рядом с телефонным аппаратом стояла семейная фотография Шарпов – Алан, Пэтти и Пол.

– Я соберу, – вызвалась Линдси.

– Соберёшь?

– Соберу. Лучше я сама.

После ухода лейтенанта Мэдисона Линдси распечатала список фамилий пропавших женщин и, отложив его в сторону, стала искать коробку для вещей Алана. Не найдя таковой, она решила приспособить для этого мусорную корзину бронзового цвета, что стояла у стола Алана.

⁶ *Seattle Mariners* («Сиэтлские моряки») – профессиональная бейсбольная команда из Сиэтла (штат Вашингтон, США).

Конечно, не самая достойная ёмкость для его вещей, но Алан, наверняка, посмеялся бы на сей счет. На самый низ она в два яруса плашмя уложила бейсболистов. Последним – Итиро Судзуки, любимого игрока Алана.

– Мне нравится этот парень, – как-то сказал Алан, – но, чёрт возьми, он уже десять лет живет здесь, мог бы за это время выучить пару слов по-английски. С его-то деньгами он мог бы нанять десять репетиторов по языку.

– Может, он *не хочет* учить английский, – заметила Линдси.

– Не надо мне заливать про политкорректность, – отмел её возражения Алан. – Он должен учить английский. Тут даже спорить нечего.

Линдси выдвинула верхний ящик рабочего стола Алана и перебрала его содержимое: чеки, коллекция бумажных подставок под бокалы пива, всякая всячина. В небольшом конверте лежали две флэшки. Пэтти, она знала, не выносила ужасов, коими зачастую сопровождалась их работа, поэтому Линдси отложила флэшки в сторону: сдаст в архив, где их просмотрят и затем либо уничтожат, либо внесут в базу данных. Алан был умный, чудесный человек, но очень уж неаккуратный.

На самый верх в корзине Линдси поместила благодарственные письма и семейную фотографию Шарпов. Снимок был сделан на гавайском пляже, когда Пол ещё был долговязым подростком. Низко стелющиеся лучи уходящего на запад солнца омывали их золотисто-персиковым светом. Алан с восторгом рассказывал о той поездке, говорил, что они с Пэтти мечтают побывать там ещё раз.

– Может, на следующую годовщину нашей свадьбы.

* * *

Снова хлестал дождь. «Дворники» с трудом справлялись с потоками воды, заливавшими лобовое стекло внедорожника Линдси. Она ехала по автостраде из Ферндейла в Беллингем. Процедура вскрытия трупов никогда не вызывала у неё отвращения. Возможно, это было профессиональное качество, либо она от рождения была невосприимчива к мерзостям, при виде которых другие бежали в туалет. Точного ответа Линдси и сама не знала.

Она включила радио, прослушала новости. Про водопад Мейпл в них не упоминалось. Неудивительно: радиостанция и газеты донельзя сократили свои штаты. Соответственно любая мало-мальски интересная история сначала попадала в соцсети, где о ней писали полуправду и тут же переключались на другую сенсацию, чтобы «заработать» кучу «лайков», привлечь как можно больше подписчиков. Любые сведения о происшествиях распространялись стремительно, словно вирус.

Она миновала дом в центре города, где теперь жил её бывший муж, и въехала на парковку рядом с офисом окружного коронера. Едва она вылезла из машины, к ней подвалил бездомный.

– Я перечисляю деньги непосредственно в фонд продовольствия для бедных или в приюты, – сказала Линдси, взмахом руки отсылая его прочь. – Окажите себе услугу: обратитесь туда. Незачем жить на улице.

Он показал ей неприличный жест и исчез в подворотне.

Линдси вошла в здание, позвонила в домофон и сообщила о своём прибытии.

– Дарлин меня ждет, – добавила она.

– Хорошо, входите, – ответила вахтерша, и дверь со щелчком открылась.

В кабинете её ждала, должно быть, самая красивая женщина во всем округе Уотком – в медицинской униформе, с волосами, собранными в пучок на затылке. Красивая и очень умная.

Дарлин Ватанабе подняла глаза от чашки кофе и глянула на свои наручные часы «Картье». Вдобавок ко всем своим достоинствам она была ещё и богата, поскольку происходила из

семьи, которая нажила большое состояние, успешно ведя бизнес в разных отраслях экономики – от сельского хозяйства до сферы современных технологий.

– Точно вовремя, детектив. Что ж, давайте посмотрим, что поведает нам Джейн Доу. Она уже на столе, попробуем узнать, как она оказалась на дне ущелья. И кто она такая. Во всяком случае, я на это надеюсь. Но прежде примите мои соболезнования. Мне очень жаль, что так вышло с Аланом.

* * *

Надев бледно-голубой халат, Линдси стояла у секционного стола и наблюдала, как патологоанатом обследует тело мёртвой девушки. Она взяла за правило присутствовать при вскрытии погибших жертв, смерть которых она расследовала. Но не потому, что ей это нравилось. Отнюдь. Линдси считала, что несчастные заслуживают уважения и их не должны рассматривать только как источник улики совершенного преступления, хотя в конечном итоге всякий, кто попадал на секционный стол в прозекторской доктора Ватанабе, определённо относился именно к этой категории. А ведь незадолго до этого тело на столе из нержавеющей стали было для кого-то ребёнком, мужем, женой, братом или сестрой... в общем, выступало во множестве ипостасей, что отведены живым.

Доктор Ватанабе, как того требовал протокол, методично документировала всё, что видела, время от времени перемежая свои наблюдения замечаниями, не относящимися к делу.

- Крайняя степень разложения. Смерть наступила несколько дней назад.
- Возраст: восемнадцать – двадцать два.
- На здоровье не жаловалась.
- Еще не была в новом тайском ресторане на Рейлроуд?
- Зубы идеальные. Наверняка наблюдалась у ортодонта. Не уличная девица.
- На запястьях синяки. Когда появились, определить трудно.
- Признаков изнасилования нет. Но, учитывая степень разложения, соскоб обязательно возьму.

- Очень рекомендую. Лучшее сатэ во всем штате.

Слушая патологоанатома, Линдси составляла портрет погибшей девушки. Та вряд ли относилась к какой-либо группе риска и была замешана в чем-то противозаконном. В последние годы в Беллингеме наблюдался наплыв приезжих бездомных, среди которых были распространены наркозависимость, алкоголизм и психические заболевания.

- Признаки употребления наркотиков? – спросила Линдси.
- Внешне не обнаружила. Дождемся токсикологической экспертизы. – Доктор Ватанабе, помедлив несколько секунд, направила луч на шею девушки, которую обвивала цепочка синяков в форме следов от пальцев.

Руки убийцы.

Линдси ждала заключения доктора Ватанабе.

- Следы удушения руками.
- Я еще на месте происшествия обратила внимание на эти синяки, – сказала Линдси.
- Отлично, детектив, – похвалила доктор Ватанабе, причем без всякой иронии в голосе.

Она высказывалась прямо и точно, испытывала сострадание к жертвам преступлений. Полная противоположность своему предшественнику. Тот вечно кичился своими глубокими познаниями и не любил возиться с погибшими в ДТП.

- Какой смысл их вскрывать? Попали в аварию и погибли. Всё, точка.
 - Доктор, по-вашему, она была жива, когда её сбросили с обрыва? – спросила Линдси.
- Доктор Ватанабе посмотрела на неё через лицевой щиток.

– Сдается мне, что все эти царапины и ссадины нанесены посмертно. Крови мало. А это, как вам, полагаю, известно, указывает на то, что она была уже мертва, когда ударилась о дно ущелья.

Патологоанатом сделала Y-образный разрез, вскрывая тело. Линдси отвернулась. Это единственная часть процедуры – да еще визг пилы «Страйкер», вгрызающейся в череп, – которая нервировала Линдси. Наблюдать за тем, как взвешивают и измеряют внутренние органы, было менее отвратительно. Самое жуткое – вскрытие трупа и визг пилы.

Стала сочиться кровь, и патологоанатом всё так же невозмутимо вставила отсасыватель, направляя все жидкости, что оставались в трупе, в сточный желобок – неглубокую канавку по периметру стола.

– Простите, детектив, но зрелище неприглядное. Падение с большой высоты. Ребра сломаны. Все органы всмятку, будто их пропустили через блендер.

Линдси кивнула.

– Куда-нибудь планируешь поехать на отдых? – спросила доктор Ватанабе.

– Пока нет.

– Слышала, Джека уже бросила его подружка?

– Да.

– Ну и debil.

С этим Линдси не могла поспорить.

– Подъязычная кость сломана, – продолжала патологоанатом. – Сначала задушили, потом скинули.

– Её волокли. Грязь на пятках, – заметила Линдси.

– Молодец, внимательная, – кивнула доктор Ватанабе.

Процедура вскрытия приближалась к завершению. Патологоанатом фотографировала всё, что исследовала, взвешивала каждый орган и наговаривала подробности в микрофон, что свисал с потолка над столом. Наблюдая за её действиями, Линдси мысленно сравнивала внешние данные пропавших девушек, которых она отобрала из сводок происшествий. Одна из них, имевшая тот же рост – 5 футов 5 дюймов⁷ и тот же вес – 108 фунтов⁸, что и убитая с водопада Мейпл, скорее всего, сейчас и лежала перед ними на секционном столе.

Позже в тот же день доктор Ватанабе подтвердила – сравнив зубную формулу трупа с данными медицинской стоматологической карты, хранившейся в одной из частных клиник Эверетта, – что убитой является Сара Бейкер, студентка университета Западного Вашингтона, об исчезновении которой заявила её соседка по квартире.

⁷ 5 футов 5 дюймов = 165 см

⁸ 108 фунтов = 49 кг

Глава 8

В самом начале одиннадцатого утра Линдси Джекман стояла перед дверью квартиры на нижнем этаже в одном из старых домов на Норт-Форест-стрит в Беллингеме. Молодая женщина, вышедшая на её стук, не дала ей вымолвить ни слова.

– Я знала, что это Сара, – с ходу выпалила она.

– Вы её соседка? Зоуи?

– Да. Зоуи Кармайн.

Линдси представилась.

– Это я сообщила об её исчезновении, – дoloжила Зоуи. – И университетской полиции, и Беллингемской. С ней точно что-то случилось, сказала я им. Она была не из тех девчонок, что вечно где-то пропадают. Смоются куда-нибудь, не говоря дурного слова, а потом ищи-свищи. Она была совсем не такая.

– Можно войти?

Зоуи, миниатюрная брюнетка с зелёными глазами и длинным узким носом, жестом пригласила Линдси в квартиру. На девушке были потертые джинсы и белый топ, придававшие ей богемный вид, что еще более подчеркивали украшения, которые она надела. Серебряные серьги размером почти что с китайские колокольчики, едва не касались ее плеч. Сама Линдси с трудом выносила даже «гвоздики» в ушах, а такие большие серьги уж точно свели бы её с ума.

– Я увидела в «Фейсбуке»! – вскричала Зоуи, едва закрылась входная дверь. – Девушка с водопада Мейпл. Это Сара! Она правда умерла, да?

– Мне очень жаль, Зоуи, – произнесла Линдси, стараясь успокоить её. – Для вас это ужасное потрясение. Я намерена выяснить, как это случилось. Ради вас. Ради Сары. Переведите дух. Расскажите о ней. Когда вы видели её в последний раз?

Они сели рядом на старом диване, застеленном красно-зелёным стеганым покрывалом. До Рождества оставалось еще несколько месяцев, а диван для гостей уже готов.

Зоуи, спрятав лицо в ладонях, зашлась плачем, который разносился по всей комнате. Её безобразные судорожные всхлипы, вызванные страшным потрясением, исходили из самой глубины разбитого сердца.

– Мне очень жаль, – повторяла Линдси, с озабоченностью в лице склоняясь к девушке.

Зоуи уронила руки на колени и посмотрела на Линдси. Её глаза заволакивала пелена слез, рот был приоткрыт.

– О боже, – произнесла она, и слезы потекли по её щекам, капая ей в рот. – Детектив, что с ней случилось?

– Мы точно не знаем.

И это чистая правда.

– Она попала в аварию?

Их диалог напоминал игру «20 вопросов», на которые всегда даются односложные ответы.

– Нет, – ответила Линдси.

– Её убили! – вскрикнула Зоуи. – Убили! О боже. Какой кошмар!

– Мне очень жаль, – снова повторила Линдси.

И изменить ничего уже нельзя.

– Мы с Сарой знакомы с детства. Она была моей лучшей подругой. Я *знала*: с ней что-то стряслось. *Знала*. Но убийство? Кому понадобилось убивать такую девушку, как Сара? Она же ко всем хорошо относилась.

Линдси дала Зоуи выплеснуть свои эмоции, а затем мягко, наводящими вопросами стала выпытывать у неё информацию о Саре.

Обе девушки выросли в Эверетте. Сара была единственным ребенком в семье, её воспитывала тетя. Когда обеим исполнилось по четырнадцать лет, семья Зоуи поселилась по соседству с Сарой.

– Её родители умерли. – Зоуи искала вокруг салфетку и, в конце концов, взяла бумажное полотенце. – Мы были как сестры. Мне *нужна* была сестра. Я была старшей в семье. У меня четыре брата. Мы все спали в одной комнате – куча мала.

– Наверно, она тяжело переживала смерть родителей, – произнесла Линдси.

– Не то слово. Очень тяжело. Никак не могла смириться. Особенно со смертью мамы. Постоянно говорила об этом.

Линдси подождала, пока Зоуи высморкается, и продолжила расспросы.

– Расскажите, как она пропала.

– В воскресенье мы пошли на рынок, довольно поздно. Последний раз, когда я её видела, она рассматривала какие-то серьги у одного из торговцев. Я болтала с одним парнем, а потом...

Зоуи умолкла.

– Что потом?

– Она исчезла. Исчезла и всё.

– Вы видели, как это произошло?

– Нет. Я подумала, что она вернулась домой. Разозлилась на меня за то, что я болтала с тем парнем. Или еще за что-то. У неё так бывало. Не то чтобы она злилась. Раздражалась.

– Вы звонили ей или, может, отправили сообщение?

– Да сразу же. А она не ответила. Вот я и забеспокоилась. На неё это было не похоже. Она постоянно держала телефон при себе. *В руке*. Даже не в кармане. Вся её жизнь была в этом телефоне.

Линдси отметила, что свой айфон Зоуи тоже не выпускает из рук.

Та принялась что-то в нем листать.

– Ненавижу, что наша переписка уходит всё глубже и глубже. В списке сообщений. После её исчезновения с каждым днем все наши последние слова сползают всё дальше и дальше вниз.

Линдси об этом как-то не задумывалась, но сразу поняла, что имеет в виду Зоуи. За то время, что прошло со дня самоубийства Алана, его текстовые и голосовые сообщения погрязли в пучине новых писем. Словно его голос заглушили. Каждая новая эсэмэска запикивала его сообщения все глубже в телефон, в ту его часть, которую никто никогда не просматривает.

Зоуи показала Линдси сообщения, которые она отправила Саре.

Красотка, ты где?

Эй, не желаешь встретиться перед ужином?

Сара! Куда ты убежала?

Я начинаю волноваться.

Ну хорошо, я уже волнуюсь.

Напиши мне.

Это уже не смешно.

Я не знаю, что делать.

Если не отзовешься, я звоню в полицию. Я не шучу. И если ты дуешься по какой-то причине, сама будешь виновата!

Я правда позвоню.

– И позвонила. В воскресенье поздно вечером, когда она не вернулась домой, я поняла, что произошло что-то очень серьезное. Я понятия не имела, что с ней стряслось – в аварию попала или её похитили. Знала только, что это серьезно. Позвонила её тете. Той дома не оказалось. И я позвонила в полицию.

– Что вы им сказали?

– Да то же, что и вам. Возможно, слово в слово. Рассказала, как было. Что мы были на рынке и она исчезла.

Зоуи встала, бросила скомканное бумажное полотенце на столик перед рождественским диваном, и пошла на кухню.

– Водички хотите? – спросила она. – Или еще чего-нибудь. Я утром варила кофе. Могу подогреть в микроволновке.

– Нет, ничего не надо, спасибо, – отказалась Линдси. Она обратила взгляд на фото, что висело на стене. На нем две лучшие подруги стояли перед административным зданием университета Западного Вашингтона.

В комнату вернулась Зоуи.

– Это мы в прошлом году фотографировались, когда поступили в университет. Так счастливы были, что уехали из Эверетта.

– Что она изучала?

– Экологию и журналистику. Летом работала на ферме на острове Ламми.

Линдси кивнула.

– С вашего позволения, мне бы хотелось осмотреть её комнату.

– Конечно. – Зоуи пошла вперед, показывая дорогу. – Только не пугайтесь, – бросила она через плечо. – Сейчас сами всё увидите. Я всегда ей говорила, что её комната похожа на уголок дикой природы. Все стены картинками облеплены.

* * *

Зоуи были непонятны содержимое комнаты и эстетика дизайна Сары. Стены от пола до потолка устилали изображения и научные описания растений, насекомых, представителей дикой флоры и фауны северо-западного побережья США. Письменный стол – в идеальном порядке. На нем были выставлены экспонаты из мира природы: птичье гнездо, раковина лунной улитки, огромная шишка, в которой Линдси узнала плод сосны Ламберта. Засушенное осиное гнездо, по форме – ни дать ни взять китайский фонарик. На тумбочке у кровати высились аккуратная стопка учебников.

Зоуи наблюдала за Линдси от двери комнаты.

– Идеальный порядок, – заметила Линдси. – Это она все в таком виде оставила?

– В принципе, да. Я только кровать застелила, потому что редактор из «Фронта» приходил, собирал материал для своей статьи об её исчезновении.

– Из «Западного фронта»? Из университетской газеты?

– Да. Карл или Карлтон, как-то так.

– Статья уже вышла?

– Да. На сайте.

Линдси заглянула в шкаф. Ничего примечательного. Проверила ящики туалетного столика. Тоже ничего.

– У Сары был парень?

– Да нет.

– Может, она кого-то выделяла?

– Да у неё не было времени ни на парней, ни на что другое. Она была слишком поглощена поиском путей спасения планеты от уничтожения. Я ей говорила, что планета подождет, что мы студентки и должны наслаждаться жизнью. Вселенная не станет возражать.

Линдси задвинула верхний ящик туалетного столика.

– Она говорила что-нибудь – может, намекала, – что у неё неприятности? Что её что-то беспокоит? Что-нибудь в этом роде?

– Да нет. То есть я ничего такого не припомню. Она вообще была не очень разговорчивая. Себе на уме. Просто хотела творить добро и никогда не стремилась быть в центре внимания.

Линдси направилась к выходу.

– Пойдите, – крикнула ей вслед Зоуи. – Вообще-то, была одна странная вещь. Не то чтобы очень. Так, кое-что необычное.

– И что же это?

– На следующее утро после того, как она исчезла с рынка, её автомобиль был припаркован перед домом – там, где сейчас стоит.

– Понятно. И что же вас насторожило? – спросила Линдси.

– Значит, она вернулась сюда, но в дом так и не зашла. Вероятно, что-то произошло на парковке.

* * *

После ухода детектива Зоуи присела на краешек кровати Сары. Они с ней познакомились в школе, когда обе учились в одиннадцатом классе, и с тех пор дружили, с некоторыми перерывами. В последнее время, в силу разных интересов, крепкой дружбы между ними не было. Никакой драмы. Просто университет. Работа. Жизнь.

Зелёное одеяло, что Зоуи сейчас гладила, Сара привезла из дома. По мнению Зоуи, оно выглядело как сукно на бильярдном столе, но Сара утверждала, что все значимое в жизни имеет зелёный цвет.

– Зелёный цвет – не просто мой любимый, – говорила она. – Зелёный цвет – это цвет жизни.

Зоуи положила голову на подушку и стала просматривать сообщения в телефоне. Возможно, слова, которые она сказала своей лучшей подруге в тот день на рынке, и послужили причиной того, что Сара попала в беду.

Зоуи нашла эсэмэску, отправленную раньше тех, что она показала следователю. Когда при ней листала сообщения, постаралась, чтобы это не появилось на экране.

Сара, я не могу вечно с тобой нянчиться. Я хочу побыть с Бренданом. Исчезни куда-нибудь на пару часов, ладно?

Зоуи захлестнуло чувство вины. Она зажмурилась, выдавливая слезы в подушку.

Сара, я не имела в виду ничего дурного. Правда. Клянусь. Это я во всём виновата.

Глава 9

Линдси купила в дорогу бутерброд и под чрезмерно жизнерадостный голос навигатора поехала из Беллингема в Эверетт – унылый промышленный город к северу от Сиэтла, который, казалось, постоянно, но безуспешно, стремился создать в своих границах атмосферу оптимизма. Чтобы поскорее связаться с родственниками Сары, сотрудников местной полиции попросили уведомить их о её гибели. Это был большой риск, – ведь каналы соцсетей работают непрерывно и круглосуточно. Мэри Джо Бейкер жила в многоквартирном доме на Рукеравено, в не самом лучшем районе города. На автостоянке перед домом играли подростки, но, когда Линдси стала парковать машину на свободное место, они расступились, словно воды Красного моря перед Моисеем.

Дверь ей открыла пожилая женщина. На вид Линдси дала ей лет семьдесят пять. Очки в красной оправе «кошачий глаз», густо подведенные брови.

– Я приехала по поводу Сары, – сказала Линдси, представившись. – Вы миссис Бейкер? Женщина поправила на лице очки. Глаза у неё были заплаканные.

– У меня только что была полиция Эверетта. Вы уже поймали мерзавца, который её убил? Если бы!

– Нет. Но я за тем и приехала. Чтобы найти того, кто это сделал. Можно войти?

Едва Линдси переступила порог, тетю Сары словно прорвало.

– Сара была очень умная, чудесная девочка. И красивая. Да-да. И добрая. Никогда никого не обидит. Такая милая девочка, – говорила она взхлеб надтреснутым голосом. – Сначала её мама. А теперь вот моя прелестная Сара. Должно быть, Господь меня ненавидит.

– Зря вы так, – сказала Линдси.

– Чем дольше живу, тем больше в том убеждаюсь. Присаживайтесь, детектив.

На диване ровными стопками лежали маленькие одеяла. Линдси аккуратно села между ними.

Тетя Сары опустилась на стул с прямой спинкой и кивком указала на одеяла.

– Это я шью для знакомых, у кого есть маленькие дети. Надо же чем-то заниматься. Заодно и людям помогаю. Не все богато живут.

– Очень красивые, – похвалила Линдси.

Мэри Джо в ответ лишь пожала плечами.

– Ну, что ещё вам рассказать? Честно, я готова помочь. Но я сообщила всё, что знаю, полицейским, которые приходили перед вами.

Линдси вынула из сумки блокнот.

– Хорошо. Но у меня тоже есть к вам вопросы. Расскажите о Саре. Что она была за человек?

– Замкнутая была девочка. Мало с кем общалась. Несла на своих плечах груз ответственности за судьбы всего мира. Нелегко ей пришлось в жизни. Мать бросила ее ради какой-то глупой фантазии, а потом покончила с собой. Отца задавил пьяный водитель – подросток, погубивший и себя, и Сару.

– Ужасно. В своей университетской анкете Сара указала, что вы – её мать.

– Я заменила ей мать. Взяла её к себе совсем малышкой. И с тех пор она жила у меня.

– Нелегко вам пришлось.

– Да, вы правы. Нелегко. Но по-другому было нельзя. Сестра умерла. Я отправилась в Калифорнию и забрала девочку. Свезила её в Диснейленд. Бедняжка. Потом мы приехали сюда, я устроила её в школу. Пусть не я произвела её на свет, но я твердо решила стать ей настоящей матерью. Ради сестры. И знаете, я ни разу о том не пожалела. И вот сейчас сердце у меня так болит, так болит, будто я потеряла родную дочь.

– Мне очень жаль, – отозвалась Линдси.

– Во всем этом вашей вины нет, – ответила Мэри Джо. – Жалеть будете, если не найдёте убийцу Сары.

Резонное заявление.

Линдси кивнула.

– Вы не возражаете, если я осмотрю её комнату?

– Она там, в конце коридора. Смотрите. Там практически ничего не изменилось со времени её отъезда на учебу в Беллингем. Я туда не заходила, даже чтобы прибраться. А сейчас и представить себе не могу, как туда зайду. Может, если только через некоторое время.

В комнате Сары Линдси увидела светлую плетёную мебель. Стены были покрашены в бледно-желтый цвет. Всё оформление создавало светлое, жизнерадостное настроение и совсем не соответствовало тому, что выпало на долю Сары – безрадостное детство в Калифорнии, трагическая смерть у водопада Мейпл. Глядя на её письменный стол, прикроватную тумбочку и книжную полку, Линдси сделала вывод, что Сара и дома была такой же аккуратисткой, как и в университете. До одержимости. Корешки книг выровнены по краю полки. На ночном столике – запасная зарядка для телефона и коробка с салфетками. Линдси осмотрела ящики письменного стола, где тоже было всё аккуратно разложено. Судя по всему, в ящике для всякой всячины Сара не нуждалась. Линдси заметила только один намек на беспорядок: из-под настольного коврика выглядывал уголок голубой папки.

В папке лежала черно-белая фотография, на которой была запечатлена группа женщин. Возвращаясь в гостиную, Линдси прихватила снимок с собой и показала его Мэри Джо.

– Я нашла это фото в вещах сестры после её смерти, – ответила та. – Сара решила оставить его себе. Зачем – не знаю. Ведь её матери на нем нет.

Линдси попросила дать ей на время снимок.

– Берите. Главное – выясните, что с ней случилось. Пожалуйста. Ради меня. И ради Сары.

Линдси сунула фотографию в сумку.

– Постараюсь, Мэри Джо. Это всё, что я могу обещать.

В ходе своего первого расследования тяжкого преступления в паре с Аланом Линдси пообещала одной женщине, что они найдут убийцу её сына.

– Мы не можем давать такие обещания, Линдси, – отчитал ее Алан, когда они возвращались после встречи с той женщиной. – Мы можем лишь пообещать, что сделаем всё, что от нас зависит.

Линдси смутилась, но урок усвоила. С тех пор она была крайне осторожна в своих обещаниях. Вот так на неё повлияли слова Алана.

Она готова была отдать что угодно, лишь бы вернуть день накануне его самоубийства. Она поговорила бы с ним, его же собственными словами. Напомнила бы то, что он сказал ей, когда умерла её мать.

– Да, её больше нет. Но она будет жить в памяти людей, которые её любили.

* * *

Меньше чем через час после встречи Линдси с Зоуи весть об убийстве Сары разлетелась по городу, и студенты Университета Западного Вашингтона бросились обсуждать эту новость в соцсетях. Сообщения летели с каждой онлайн-платформы в адрес каждого обитателя студгородка. Девушки, которые раньше почти не замечали Сару, клялись, что их сердца разбиты, жалели, что теперь они лишены возможности тусоваться и общаться с ней. Парни писали: «отличная девчонка», «суперумная» и пр. Кто-то, прослышав, что у Сары осталась кошка, которой теперь нужны новые хозяева, открыл страничку для сбора средств в помощь её оси-

ротевшей питомице. Удалось собрать 144 доллара, но потом выяснилось, что никакой кошки у Сары не было.

Ещё до темноты на Красной площади в центре студгородка выросла горка из цветов и плюшевых мишек. Некоторые студенты написали от руки плакаты, выражая свою скорбь – по девушке, которую по-настоящему никто не знал. Плакаты были выставлены у бетонного ограждения фонтана.

ТЫ ТЕПЕРЬ В ЛУЧШЕМ ИЗ МИРОВ

ТРЕБУЕМ ПРАВОСУДИЯ

ПОЙМАТЬ УБИЙЦУ САРЫ

В подвальном этаже университетской библиотеки Карл Фландерс зашел на сайт газеты «Западный фронт», чтобы отвечать на комментарии к его статье, посвященной Саре.

«Убита студентка Университета Западного Вашингтона».

Карлу было двадцать пять лет, он уже шестой год учился в университете, сдал достаточное количество курсов и мог бы давно защитить диплом. Если б решил, какой профессии себя посвятить. Он сидел в библиотеке один и печатал дополнение к статье о погибшей студентке, а также информацию о планируемой гражданской панихиде в память о ней. Ему не очень нравилось, что под его статьей студенты ставили «лайки». Что тут может нравиться? Ведь речь шла об убийстве.

«Последние новости: в пятницу вечером состоится гражданская панихида, которую организует её соседка по квартире. Начало в 7:30».

Сам Карл никак не мог определиться в своём отношении к гибели Сары. Против неё лично он ничего не имел. Всё дело было в профессиональной зависти. К Саре все прислушивались. К ней было приковано всеобщее внимание. И самое главное, он считал её своей конкуренткой. Она всему факультету журналистики рассказывала, что готовит какой-то «грандиозный материал», но какой – это тайна.

– Если я тебе скажу, – говорила она, – мне придется тебя убить.

* * *

Панихиды со свечками и временные мемориалы тесно взаимосвязаны.

И то, и другое устраивается напоказ.

И то, и другое выявляет в людях их лучшие и худшие черты.

Линдси нашла свободное местечко на Билли-Фрэнк-Джуниор-стрит, припарковалась и пешком направилась к студгородку. Дорога тянулась в гору. Шедший следом лейтенант Мэдисон пыхтел и отдувался у неё за спиной. К вечеру похолодало градусов на десять, собирался дождь. Линдси подумывала о том, чтобы остановиться, дать лейтенанту отдышаться, но потом решила: обойдется, физическая нагрузка ему не помешает. Супруга лейтенанта наверняка согласилась бы с ней.

В толпе студентов они, конечно, будут выделяться, не столько одеждой, сколько из-за возраста Мартина. Линдси пришла в темных брюках и спортивной куртке. Лейтенант, как все-

гда, был в синих «докерсах» и коричневой ветровке. А седые усы сразу выдавали в нем полицейского или утратившего форму бывшего героя порнофильмов на излете актерской карьеры.

У фонтана собрались больше двухсот студентов. Они передвигались в толпе, обнимались. Некоторые плакали. А несколько человек вели себя как на вечеринке: смеялись, раскачивались под музыку, звучащую в наушниках. В воздухе висел густой запах марихуаны.

– Это законно, – заметила Линдси, взглянув на лейтенанта.

– Жаль, – ответил он. – А в общественном месте курить марихуану противозаконно.

– Мы здесь не за этим.

Тот кивнул в ответ.

Линдси жалела, что попросила его пойти с ней. Мэдисон был не Алан. От его дополнительной пары глаз толку будет мало. И вовсе не потому, что он плохо видел, даже в очках с толстыми стеклами.

Какая-то девушка с завитыми локонами вручила им по свечке в бумажном стаканчике.

– Зажжете через пять минут, – велела она. – Есть чем?

– Есть, – ответил Мартин, доставая зажигалку. – Мы не впервые на вечерней панихиде. А на самом деле, впервые.

Девушка с локонами пошла дальше раздавать свечки. Линдси вдруг подумалось, что этот прощальный митинг вовсе не импровизированное мероприятие. У кого-то свечки были припасены заранее.

Ровно в семь тридцать в окружении колеблющихся свечей у фонтана появился пожилой мужчина в пальто с поднятым от холода воротником. Он обратился к собравшимся.

– Друзья, спасибо, что вы все пришли сюда сегодня вечером. Я – Джон Эванс, декан университета по работе со студентами. В жизни бывают тяжелые моменты, и я знаю, что гибель вашей подруги и сокурсницы – чудовищное горе для всех вас. Мы собрались здесь, чтобы вместе вспомнить Сару Бейкер и предаться скорби о её кончине.

– Какой кошмар! – воскликнула девушка, стоявшая рядом с Линдси.

– Да, это ужасно, – ответил декан. – Думаю, все мы испытываем гнев. И надеемся, что убийца будет найден и понесёт наказание.

Раздались одобрительные возгласы, отчего гражданская панихида стала походить на некий очень необычный пропагандистский митинг.

Декан объявил выступление молодого человека по имени Калвин Харпер. Толпа расступилась, пропуская парня вперед. Он запел, сначала негромким голосом, который, казалось, поглощали тела студентов, столпившихся по ту сторону фонтана. Парень недурно исполнял христианский гимн «О благодать».

Линдси продолжала осматривать сборище, надеясь заметить что-нибудь необычное. Перед началом панихиды она попросила лейтенанта сделать как можно больше снимков.

– И видео тоже, – добавила Линдси.

Сейчас в поле её зрения попал лейтенант Мэдисон. Он как раз вел видеосъемку.

Отлично.

Алан был бы шокирован тем, что лейтенант выполняет чьи-то указания.

Если б только он был жив.

После того, как гимн был исполнен, декан сказал ещё несколько слов, и в центр площадки вышла Зоуи Кармайн.

– Всем привет, – срывающимся голосом заговорила она. – Меня зовут Зоуи. Сара была моей лучшей подругой. Мы выросли вместе. Здесь, в университете, жили в одной квартире. Я немного расскажу вам о ней. Она была самой доброй девушкой на свете. Любила всех животных и все растения. Я подшучивала над ней, спрашивая, отвечают ли ей дерево или козел, когда она с ними беседует. А Сара со смехом объясняла, что она и не ждет ответа. Для нее главное – дать понять другим существам, что она их любит.

Зоуи на секунду замолчала, и какой-то парень крикнул:

– Мы с тобой, Зоуи! Мы с тобой и с Сарой!

Зоуи посмотрела в его сторону. Это был высокий парень, с бородой, в моряцкой вязаной шапочке. Она едва заметно кивнула ему и продолжала.

– Если бы Сара была сейчас здесь и увидела, как мы её любим, она бы прослезилась. Но вообще-то она была в некотором роде одиночка. Все хотели с ней дружить, но она не всех подпускала к себе. И я очень, очень рада, что столько народу пришло почтить её память.

Парень в синем худи с эмблемой университета, наклонившись к стоявшей рядом девушке, проговорил:

– Я слышал, её изнасиловали и забили до смерти.

Линдси сердито взглянула на него.

– Её не изнасиловали, – возразила она. – Откуда вы это взяли?

– Из сети, – ответил он, насмешливо скривив губы. – А вам-то что?

Линдси показала жетон полицейского.

Ухмылка – да, все-таки это была ухмылка – мгновенно сошла с лица парня.

– Простите, – извинился он, отступая подальше от Линдси. – Должно быть, это просто сплетня. Интернету доверять нельзя.

– Именно.

Зоуи завершала свою поминальную речь.

– Она была мне как сестра. Я никогда не смогу пережить то, что с ней случилось. – Она заплакала, потом притронулась рукой к губам и пробормотала: – Я искренне сожалею.

После толпа начала рассеиваться. Линдси нашла Мартина. Он все ещё вел видеосъемку, выполняя её указание.

– Ну как – заметила что-нибудь? – осведомился он. – Я сто лет не выходил «в люди». Довольно любопытно. Черт, если б ещё не было так зверски холодно.

Линдси смотрела, как расходятся студенты.

– Ничего особенно. Пожалуй, только одно.

– Что?

– Да так. Возможно, это не имеет значения.

Мартин посмотрел ей в глаза.

– Выкладывай свои мысли, детектив. Дурацких идей не бывает, так ведь?

Линдси не доверяла ему так, как доверяла своему бывшему напарнику. С ним они могли обсуждать любые, самые глупые, самые нелепые идеи, не вынося суждений. А лейтенант Мэдисон... он же начальник. Не коллега, которому можно доверять.

Наконец Линдси сдалась.

– Мне показались немного странными слова Зоуи о том, что она сожалеет.

Мэдисон нахмурил лоб.

– В самом конце, – подсказала Линдси.

– О чем она сожалеет? О том, что расплакалась? Или о чем?

– Я же говорю: не знаю. Но мне это показалось странным.

– Видать, я слишком давно занимаюсь кабинетной работой, – вздохнул лейтенант. – Я ничего странного в том не усмотрел. Оперативник в любом видит подозреваемого. И это нормально. Но, по-моему, эта девушка просто очень расстроена, что её подруга погибла, и сожалеет об этом.

Линдси пожала плечами.

– Ладно, поехали отсюда. Мне еще ужин в микроволновке разогревать.

Мартин посмотрел на неё с усмешкой:

– А я думал, ты сама себе стряпаешь.

– Больше не стряпаю. Готовить на одного – бессмысленное занятие.

Они направились через Красную площадь. Вдруг их кто-то окликнул:

– Эй, это вы расследуете убийство Сары?

Линдси резко обернулась. К ним быстрым шагом приближался какой-то парень.

– Да, – ответила она. – Чем мы можем вам помочь?

– Я – редактор университетской газеты «Западный фронт». Карл Фландерс. – Линдси вспомнила его фамилию. Это он брал интервью у Зоуи.

– Это я разместил информацию о сегодняшней панихиде. Поэтому пришло так много народу. Я хотел бы узнать, как продвигается следствие.

– Пока нам нечего сообщить, – сказал лейтенант.

– Как же так, – произнес Карл, поворачиваясь к Линдси. – Она же была нам не чужая, училась на факультете журналистики.

– Вы её знали? – спросила Линдси.

– Да. Все парни вздыхали по ней.

– Карл, а что ещё вы можете рассказать о Саре?

Парень немного растерялся от того, что не он берет интервью, а вопросы задают ему, но быстро освоился с новой ролью.

– Она была умная и симпатичная. Тусоваться не любила. Большую часть времени проводила за книгами, что-то писала. Вроде бы работала над каким-то большим материалом. Не для нашей газеты. Она была не очень общительная. Сама по себе.

Линдси протянула ему визитку.

– Позвоните мне позже, – сказала она. – Там будет видно.

* * *

Карл ушел довольный, хотя и немного обеспокоенный. Он восхищался Сарой, но знал, что его восхищение сменилось завистью. Зависть вызывали не её статьи, которые она время от времени писала для газеты. Не проект, над которым она тайно работала уже несколько месяцев. В любом случае, он понятия не имел, что это за материал. Нет, он завидовал тому, как к ней относились окружающие.

– Она – красotka. Ей бы на телевидении работать. Её ждет блестящая карьера, – сказал редактор спортивной рубрики, когда однажды несколько сотрудников газеты собрались в кафе выпить пива.

– А я бы трахнуть её не прочь, в любой момент, – заявил менеджер по рекламе, как всегда, стремясь быть в центре внимания.

Но и в тот вечер ему это не удалось. Все только насмешливо глазами повели.

Все, кроме Карла. Он сидел, сощурившись, будто его мучила головная боль.

Карлу надоело слушать болтовню поклонников Сары о том, какая она замечательная.

Ужасно надоело.

Глава 10

Пол Шарп устроился в дальнем конце липкой от пива стойки в баре «Ржавый гвоздь», расположенном в переулке возле Норт-Стейт-стрит. Долгий субботний вечер был на исходе, фактически наступило воскресенье, до закрытия этого беллингемского паба оставалось полчаса. В зале висел тяжелый запах пива, виски и пота, которым несло и от Пола.

Он и сам знал, что от него воняет, но ему было всё равно.

Обычно Пол производил впечатление бодрого подтянутого парня приятной наружности. Сейчас он сидел угрюмый, глаза у него закрывались, волосы спутались. Вся его жизнь перевернулась в одно мгновение, а пьянство и недосыпание только усугубляли проблему. Он старался выпивать в разных барах: не хотел позорить доброе имя отца.

Это имя и так уже запятнали слухи о том, что он покончил с собой.

Пол всегда гордился отцом. С собой в бумажнике носил фотографию, на которой они были сняты вдвоем. На снимке Пол совсем еще малыш. В отцовской кепке, из-под которой его почти не видно. Впрочем, так было задумано, чтобы показать: маленький сын ровняется на отца. Пол искренне восхищался им, любил его больше всех на свете. В памяти пронеслись воспоминания о тех днях. Добрый, любящий, отец всегда был ему опорой. Пол почитал его как героя. Всегда думал, что именно таким должен быть образцовый отец и муж.

Кепка, в которую еще надо врать.

Высокая планка.

И вот его не стало.

– Сожалею о гибели твоего отца, – сказала ему барменша.

– Спасибо. Я тоже.

Её звали Джози.

– Пол, этот бокал за счет заведения. Я вижу, как тебе тяжело. Налью тебе еще два бокала, а потом иди отоспись.

– Да, Джози. Спасибо.

Она была немного старше него. И симпатичная, причем в любое время работы бара, который нередко превращался в пропитанный отчаянием сказочный мир для пьяниц, где посетители начинали выглядеть чуть лучше только часа в два ночи.

Джози поставила перед ним первый бокал виски, безо льда.

Пол поднес его ко рту.

– Знаю, это слабое утешение, – сказала она, – но я тебя понимаю. Первый парень, с которым у нас были серьезные отношения, бросился под поезд на станции Туквила. А я стояла, будто статуя, и смотрела, как он гибнет под колесами. Словно окаменела.

– Кошмар, – произнес Пол.

– Восемь лет прошло, а я каждый божий день думаю: как так вышло, что я ничего не предчувствовала?

– Понимаю, – ответил Пол. – Я даже не догадывался, что отец может покончить с собой. Ничто этого не предвещало.

Он допил виски.

– У всех людей есть тайны, Пол, – сказала Джози, глядя на него с усталой улыбкой на губах.

– Да, наверно, – согласился он и кивнул на пустой бокал, намекая, что готов выпить еще.

* * *

От выпивки кружилась голова, но он сам дошел до такси, вспоминая одну из последних встреч с отцом. Примерно за неделю до самоубийства Пол заехал к родителям, чтобы поесть и забрать выстиранное белье – мама, добрая душа, постаралась. Он сидел, смотрел телевизор, и тут со службы вернулся отец. Пол сразу почувствовал: у него что-то случилось. Алан Шарп, бывало, и раньше впадал в депрессию и тревожное состояние, но ненадолго. На этот раз все было серьезнее. Глубже. Словно человек ушел под воду без спасательного троса.

– Пап, – окликнул Пол отца. – Что случилось?

– Да так, дело одно нехорошее. Ничего нового. Да еще журналист один достает. И меня это вгоняет в тоску, хоть я и понимаю, что расстраиваться незачем.

– Расскажи. Может, я чем помогу.

Глаза Алана вдруг наполнились слезами.

– Да я мало что знаю, Пол. В зоне отдыха для автомобилистов рядом с магистралью обнаружили мертвого младенца.

– Какой кошмар.

Алан присел на диван рядом с Полом.

– Да уж. Кошмарней не бывает. Грудную девочку сунули в мешок для мусора, словно вещь. Слава богу, не я это расследую. Но все равно тяжело.

– Да, папа. Какие-то больные люди.

Алан махнул рукой.

– Больные, либо им на всё плевать. Родили ребенка и даже не подумали пристроить её в приют, просто выбросили, как мусор. Буквально. Оставили умирать в туалетной кабинке.

– То есть девочка тогда еще была жива?

– По словам врача, да.

Домой вернулась Пэтти, ездившая куда-то по делам. Она положила сумочку, ключи и сразу почувствовала неладное. Отец и сын развалились на диване, словно приросли к его подушкам.

– Все нормально? Что стряслось?

– Да так, преступление одно обсуждаем, детка, – отозвался Алан, поднимаясь, чтобы обнять супругу.

– На площадке для отдыха у шоссе нашли выброшенную грудную девочку, – объяснил Пол. – Мёртвую.

– Какой ужас! – воскликнула Пэтти.

Алан что-то шепнул ей на ухо.

– Да, милый, – тихо ответила она, отходя от мужа. Потом взглянула на Пола. – Я приготовила энчиладос⁹ в зеленом соусе. Пол, ты заночуешь?

* * *

В тот вечер, наевшись блинчиков, Пол залез под одеяло в своей старой кровати. С тех пор, как он уехал в университет, в его комнате практически ничего не изменилось. На одной из полок стояли в ряд награды за победы в турнирах по бейсболу. В альбомах, громоздившихся у кровати, хранилась в безупречном состоянии самая его бесполезная коллекция различных открыток для обмена – со звездами американского футбола, бейсбола, на другие тематики,

⁹ *Enchiladas* – блинчики с острой мясной начинкой.

которые представляли для него интерес в подростковом возрасте. Ему всегда нравилось приезжать домой. Мама заботливо опекала его, иногда слишком заботливо, как и все мамы. Отец был все такой же, всегда рядом, всегда готовый куда-нибудь поехать с ним, помочь с домашним заданием.

Пол сразу же уснул, но вскоре его разбудили звуки, которых он раньше никогда не слышал.

Его отец плакал.

Пол быстро натянул брюки и пошел на эти странные звуки, доносившийся из кабинета отца.

Дверь была приоткрыта, поэтому он просто толкнул ее рукой, не производя шума. Отец сидел за столом, просматривал какие-то документы.

– Папа?

Алан попытался скрыть от сына свое горе. Вытер слезы и только после этого повернулся к нему.

– Поговорим? – предложил Пол.

– Не хочу, чтоб ты видел меня таким, Пол. Поговорим завтра.

– Точно?

– Да, – ответил отец. – Пойдем спать.

Алан выключил настольную лампу.

На глазах у Пола отец сложил документы, убрал их в большой конверт и сунул в правый нижний ящик стола – единственный ящик, запиравшийся на замок. Потом закрыл его и ключ положил в карман халата.

– Утро вечера мудренее, – сказал Алан. – А теперь спать.

Пол вернулся в свою комнату, залез в телефон и стал искать информацию о мёртвом младенце. Просмотрел новостные сайты, сайт газеты «Беллингем геральд» и даже «Сиэтл таймс». Он был уверен, что столь сенсационное трагическое происшествие пресса не могла обойти своим вниманием.

Увы, ни слова, ни полслова.

* * *

Утром Пол поднялся ни свет ни заря и направился в кабинет отца. Алана что-то сильно тревожило. Вряд ли это была обычная депрессия. «Мрачные дни», как выражался отец.

Пол дернул нижний ящик стола. Тот был заперт на замок. Стараясь не шуметь, Пол выдвинул средний ящик, полностью вытащил его из стола, чтобы взглянуть на содержимое нижнего ящика.

Встав на колени, он пошарил в нем рукой.

Ничего. Ящик был пуст. Никакого конверта там не было.

То, что так расстроило отца – материалы об ужасном происшествии с младенцем или что-то ещё, – исчезло.

Глава 11

16 сентября 2019 г., понедельник

Ферндейл, штат Вашингтон

Поначалу позвонивший мужчина отказывался назвать себя.

Линдси Джекман не принимала информацию от анонимных источников. Алан считал, что она не права, говорил, что это лучше, чем ничего, первый шаг в раскрытии преступления. В таких случаях Линдси нередко спорила с напарником, аргументируя тем, что на свете немало идиотов, жаждущих внимания, а чтобы отделить правду от выдумок, потребуется немало усилий.

– Сначала представьтесь, – твердо сказала она звонившему, – а потом поговорим.

Мужчина шумно выдохнул, и на мгновение Линдси решила, что он повесит трубку.

– Сэр?

– Да, я слушаю, – ответил он.

– Скажите, как вас зовут и что именно вы хотите мне сообщить.

– Моя фамилия, видимо, нужна вам для отчета или чего-то такого.

– Да, – подтвердила Линдси. – Для чего-то такого.

– Меня зовут Рид Салливан.

Он помолчал, ожидая реакции. Линдси ответила не сразу.

– Чем я могу вам помочь, мистер Салливан?

– Я прочел сообщение о гражданской панихиде в студгородке – в память о девушке, которую убили у водопада Мейпл.

– Да, её звали Сара Бейкер. Вы были с ней знакомы?

– Нет, – ответил он. – В общем-то, нет. Но, думаю, вам следует приехать ко мне, нам надо поговорить. В газете написано, что летом она работала на ферме Марни Спеллман. Моя жена тоже там работала. А потом её убили. Получается, что убили двух женщин, связанных с Марни Спеллман.

– Когда погибла ваша жена?

– Двадцать лет назад, – ответил мужчина.

– Хорошо, – сказала Линдси. – Я к вам приеду.

Она записала адрес и сразу же направилась к машине. По пути сказала дежурному, что поехала опрашивать свидетеля.

– Рид Салливан? – воскликнул дежурный. – Ну и ну. Несчастный мужик. Труп его жены обнаружили на берегу острова Ламми. Громкое было дело. А Марни Спеллман, да, сомнительная особа. Желаю удачи.

* * *

Линдси была слишком молода, чтобы помнить дело Салливана, но не настолько, чтобы не знать, кто такая Марни Спеллман. С некоторых пор Марни отреклась от публичности, обрекла себя на добровольное изгнание в своем поместье на острове Ламми. Но Линдси помнила, что некогда Марни слыла королевой косметики. Начав с ловкой и грамотной реализации косметических товаров, она каким-то образом стала гуру здорового образа жизни, задолго до Марты Стюарт и Гвинет Пэлтроу.

Был в её деятельности и мистический – пожалуй, даже мрачный – аспект, о чем Линдси узнает, когда станет знакомиться с «учением» Марни. К этому её подтолкнет разговор с Ридом Салливаном.

По словам Марни, она якобы напрямую общалась с Матерью Природой и рецепты всех её снадобий были подсказаны именно этой духовной связью. Что обеспечило ей прирост и сторонников, и противников. Число сторонников доходило до миллиона человек, и они были готовы выполнять любые её просьбы и требования. Противники же заявляли, что Марни Спеллман – это зло.

У Марни был девиз: «Истинность бытия – быть собой, как пчела».

Да, да, вы не ослышались. Со временем даже те, кто не интересовался продукцией и философией Марни Спеллман, признали, что это выражение придумала именно она – эффективная предпринимательница, эффективная шарлатанка. А каким из этих ярлыков награждали Марни Спеллман, зависело от того, кто какие телепрограммы смотрел и какие журналы читал.

Этот девиз украшал любой её продукт, любую книгу, а с появлением Интернета постепенно проник и туда. Многим было известно о том, что в детстве на Марни напал рой пчёл, и это происшествие определило всю её деятельность и её природу.

Оказывается, не случайно медоносные пчёлы выбрали и наделили даром именно Марни. Пчелиный улей – это монархия, отнюдь не уникальная организация в мире животных. Главной в любом улье является пчелиная матка, вокруг которой вращается вся его жизнь. Она занимает более высокое положение по сравнению с пчелиными самцами и пчёлами-разведчиками, которые живут очень недолго; их единственное предназначение – служить матке. Без пчелиной матки улей не может существовать. Без пчелиной матки у планеты не может быть будущего. Ведь медоносные пчёлы – основные опылители всех растений планеты. А растительность – основа всех продуктов питания.

Без пчелиной матки улей захиреет и погибнет, что приведет к катастрофическим последствиям для всего мира. Если исчезнут пчелиные матки, всё человечество и животный мир планеты постигнет невиданный в истории голод.

Марни считала себя такой маткой. И действительно, почему бы нет? Природа наделила её потрясающе эффектной внешностью и острым умом. Но главное – она, вне сомнения, обладала харизмой, словно излучала свет, который притягивал к ней людей.

Даже Линдси Джекман – закаленный, хладнокровный сотрудник полиции, следовательно – испытает на себе это притяжение, сунув голову в «кроличью нору» Марни Спеллман. Многие слова Марни, казалось бы, нелепые и смехотворные, определённо найдут отклик в душе Линдси. Это пробудит в ней беспокойство, но и немалый интерес. Пытаясь анализировать зарождение этого неожиданного чувства, определить, как и почему оно проникло в её психику, она распознает в нем потенциально ценное средство, которое поможет ей распутать преступление.

Ощущение, конечно, жуткое, но, возможно, это своего рода подарок.

А пока ей предстояло собирать доказательную базу – рассказы о случаях из жизни других «зачарованных», всё, что найдет. Например, в Интернете она наткнулась на сообщение и видеоролик женщины из Северной Дакоты. В материале говорилось о том, что её муж нанял психолога по преодолению культовой зависимости, поручив ему выкрасть супругу и «вправить ей мозги» (это его слова). Впоследствии эта женщина выступила по национальному телевидению с рассказом о беседах с Марни и о работе на её ферме.

Линдси стала записывать.

– Марни обладает магнетизмом, – говорила женщина. – Иначе и не скажешь. Она внушает вам, что вы – особенная, от вас многое зависит. Порой, общаясь с ней, я начинала плакать. Не от грусти, нет, просто от того, что я была рядом со столь одаренной, умной, любящей женщиной, и не могла взять в толк, почему она испытывает интерес ко мне, самой обычной женщине из Бисмарка, матери двух детей. Всем, кто смотрит на меня так, как вы сейчас, я говорю: «Чтобы это понять, нужно побывать там». Невозможно все это в полной мере выразить словами.

Интервьюер спросил, не жалела ли она о том, что оставила семью и уехала в общину Марни на острове Ламми.

– Вот вы сказали «община». То есть вы имеете в виду, что это некий «культ», так ведь? Вы отказываетесь признать, что женщина способна собрать вокруг себя последователей без каких-либо манипуляций и трюков. Марни – это вам не Джим Джонс¹⁰.

Женщина замолчала и отвернулась от камеры.

– Люди хотят, чтобы я сожалела о своем поступке, – продолжала она. – Люди, в том числе члены моей семьи, говорят, что благоразумно было бы отречься от Марни и от всего, что она олицетворяет. – Женщина снова повернулась к журналисту. – Я этого не сделаю. Не могу. Конечно, я сожалею о том, что пропускала дни рождения своих сыновей, причинила боль мужу. Однако всё это было неизбежно, чтобы я могла обрести себя.

Журналист сменил позу и усмехнулся, однако женщину его реакция не смутила.

– Пока я жива, – продолжала она, – я никогда не буду отрицать значимость того, что я узнала от Марни Спеллман. Никогда вы не услышите от меня того, что хотели бы услышать центральные СМИ. Эту игру я знаю. Знает ее и Марни Спеллман. Она олицетворяет собой всё самое лучшее, что может быть в человеке. И это – неоспоримый факт.

Запись кончилась. Линдси прочитала комментарий, который предположительно разместил в Интернете муж этой женщины. Он писал, что после выхода интервью в эфир его супруге, защищавшей Марни, прислали букет желтых роз и письмо, написанное от руки. Все это доставил курьер прямо ей на работу – в центр телефонной рекламы недалеко от Бисмарка.

Жена рассказала ему, что прочла эту записку, запершись в туалетной кабинке. В ней говорилось:

«Не могу выразить, как много это значит.

Ты полностью оправдала мои ожидания.

Возвращайся домой ко мне, когда наступит подходящее время.

С любовью, М.»

– Она сказала, что прижала записку к груди, с наслаждением повторяя каждое начерканное в ней слово, клянясь в любви той, кто её отправил. Потом изорвала записку на мелкие клочки и смыла их в унитаз, наблюдая, как они кружатся в вихрящемся потоке уносящей их в слив воды. Она знала, что «вправление мозгов» завершилось полным провалом, но согласилась выступить на телевидении, чтобы окружающие поверили, будто оказанная ей психологическая помощь оказалась эффективной. Тем самым она обеспечила себе прикрытие до тех пор, пока снова тайком не сбежала на северо-западное побережье, теперь уже навсегда.

Линдси перестала делать записи. Ей казалось, что она сочиняла сказку. Описывала нелепый сон, что ей приснился. Магнетизм Марни Спеллман был непреодолим.

– Жена говорила, что по-прежнему любит меня и детей, – продолжал муж. – Может, и любила. Только любви её хватило лишь на то, чтобы позвонить мне и объяснить, как на самом деле обстоят дела, перед тем как исчезнуть на острове Ламми. Правда, – в завершение добавил он, – возможно, это она сделала лишь для того, чтобы я не пытался её вернуть.

¹⁰ Джим Джонс (1931–1978) – американский проповедник, основатель деструктивной секты «Храм народов», последователи которой, по официальной версии, в 1978 г. совершили массовое самоубийство, отравившись цианистым калием. Погибло 918 человек.

Глава 12

9 марта 2000 г., четверг

Остров Ламми, штат Вашингтон

«Проблема 2000 года» породила у некоторых стойкое ощущение острой безотлагательности. Не только у «выживальщиков». У обычных людей тоже. В конце концов, как знать, что произойдёт с наступлением нового тысячелетия? Люди все ещё приспосабливались к тому, что компьютеры, последние десять-пятнадцать лет узурпировавшие каждый доступный дюйм пространства на рабочих столах, это начало начал. Казалось, вся их жизнь вращается вокруг компьютеров, создатели которых, судя по всему, не запрограммировали эти умные устройства учитывать, что цивилизация продолжит своё существование после 1999 года.

И что будет – наступит конец света?

Самолеты попадают с небес?

Кто мог бы это предсказать?

Похоже, никто.

И вот календари зафиксировали смену тысячелетий, а ничего страшного не произошло. «Проблема 2000 года» оказалась сущей ерундой.

Но не для Дженнеров – Дэна и Линды. Приближение ожидаемой катастрофы послужило толчком к скорейшему осуществлению мечты всей их жизни – объездить все национальные парки США.

– Никаких памятников, только парки, – довела она до сведения каждого из их взрослых детей перед тем, как осенью 1999 года, собрав в дорогу вещи, они пустились в грандиозное путешествие тысячелетия. Дети в ответ скептически хмыкали.

– Только парки, – каждый раз поддакивал ей Дэн, сидя в зелёном кожаном кресле, что стояло у противоположной стены комнаты. – Всё не охватишь, нужно ведь чем-то ограничиться.

– Конечно, может статься, что граница окажется не такой уж прямой, – говорила Линда, кладя конец их шутивому диалогу. – Там видно будет.

Национальный парк Олимпик значился последним в списке достопримечательностей штата Вашингтон, которые они наметили посетить, и, конечно, он быстро вошел в десятку и даже в пятерку самых красивых мест в их рейтинге лучших заповедных уголков страны. Дэн, работавший школьным администратором до выхода на пенсию, и Линда, в прошлом начальник службы программного обеспечения, готовясь к путешествию, сняли с банковских счетов все сбережения до единого цента. Линда боролась с раком груди. Болезнь перестала прогрессировать, но при всём своем оптимизме она не питала иллюзий насчет того, что её ждет. Обстоятельства складывались не в пользу Линды: обе её сестры, тетя и бабушка умерли от рака молочной железы. Она жила уже дольше, чем любая из них. Сейчас ей было шестьдесят девять лет, и она хотела бы всласть полюбоваться красотами природы до того, как мир закроют от неё.

Не «проблема-2000».

Рак.

Они уже побывали в парках Маунт-Рейнир («Альпийские луга в цвету!») и Северные Каскады («Лоси... Целое стадо, голов сто!») и наконец добрались до полуострова Олимпик и исторической гостиницы близ изумительно красивого скалистого берега Руби-Бич. Погода на вашингтонском побережье предсказуемо непредсказуемая. То дождь хлынет, а в следующую минуту прорывается солнце и светит два дня или тут же скрывается, словно по мановению крыла чайки. Удобно устроившись в уютном холле гостиницы, они сидели у пылающего камина и потягивали кофе, одобренное ликером «Калуа».

– И капельку сливок, – попросила Линда официанта.

– Лейте, лейте, не жалеите, – сказал Дэн, закатывая вверх глаза. – Она не боится поправиться.

Линда не возражала. Мужу доставляло огромное удовольствие делать ей приятное – то, чего он был лишен на протяжении, как она выражалась, «раковых лет», которые отняли у них баснословно много времени прежде, чем они задумали совершить своё великое путешествие по национальным паркам.

В ту ночь дождь лил как из ведра, нескончаемо барабанил по крыше так, будто её обстреливали из пушки.

По телефону «Блэкберри» – эту дурацкую игрушку старший сын ей подарил перед их отъездом – Линда отправила детям сообщение:

Мы в дождевом лесу, так что, полагаю, ливень, обрушившийся на нас минувшей ночью, когда мы отдыхали в гостинице, вполне закономерное явление. Признаюсь, мне даже стало страшно. Парковку дождь превратил в реку. Завтра – на Аляску. А там, глядишь, снежная буря. Жизнь бесценна. Жить хорошо.

На следующее утро Дженнеры, подзаправившись кофе с миндальными круассанами, поехали в Сиэтл, а оттуда – в Беллингем, где им предстояло сесть на паром, который доставит их на Аляску. Чтобы убить пару дней до отъезда, они осмотрели город и затем отправились дальше на север – на остров Ламми.

В шерстяных свитерах и непромокаемых куртках, они шли к побережью. Даже это было для них приключением. Буря, разразившаяся минувшей ночью, размыла тропу. Им встретилось поваленное дерево с вывернутыми корнями, которые напоминали лежащий на боку зонтик. Однако погода стояла теплая, спокойная.

Дэн снял куртку. Сейчас она ему была ни к чему. Линда оставалась в куртке: ветер хоть был и не колючий, пробирал до костей, а ей мерзнуть никак было нельзя. По извилистому туннелю, образуемому кустарниками и низкими деревьями в мокром подлеске, они вышли к морю Селиш. Облака расступились, открывая безупречно голубое небо. Из пенящихся волн вздымались скалы, похожие на руины внезапно материализовавшегося затерянного города.

– Даже если мне удастся дожить до ста лет, – промолвила Линда, – такой фантастической красоты, наверно, я никогда больше не увижу.

Дэн обнял жену одной рукой. Её тщедушность ощущалась даже сквозь слои теплой одежды. Дородностью Линда никогда не отличалась, но теперь вообще была худа, как палка.

– Говорят, Денали тоже удивительное место, – отозвался он, имея в виду их следующий пункт назначения.

Она прижалась к мужу, поцеловала его.

– Скорей бы уж попасть туда.

И действительно, нельзя было терять драгоценное время.

Они пошли вдоль берега. На мили окрест их окружала ошеломляющая пустота. Словно они остались вдвоем на всей земле, и ими владело только одно чувство – любовь друг к другу. А еще – ощущение покоя, которое приходит с пониманием, что это конец любовной истории.

– Смотри, японский стеклянный поплавок. – Дэн показал на белый шар у кромки воды дальше по берегу.

– Вот это повезло! – С той самой минуты, как она прибыла на вашингтонское побережье, её не отпускали два желания. Ей хотелось отведать отменного жареного морского черенка. И минувшим вечером за ужином она ими полакомилась. Морские черенки оказались мясистыми и нежными. Она получила истинное наслаждение.

– На вкус они как океан, – сказала тогда Линда.

– Значит, океан на вкус как соус тартар, – с улыбкой в тон ей ответил Дэн.

А теперь еще и стеклянный поплавок. Такая находка – мечта всякого, кто любит искать на берегу вынесенные морем сокровища.

Японский стеклянный рыболовецкий поплавок.

Они направились к нему, оставляя за собой на мокром песке сложную цепочку своих следов.

– Надо же, даже сетка сохранилась, – обрадовалась Линда. Она обогнала мужа, устремляясь к шару. Этот поплавок ей хотелось заполучить больше всего на свете.

– Нет, – сказал Дэн, рукой пытаясь остановить ее. – Это не сетка, Линда. – Его голубые глаза сошнулись, всматриваясь в находку. – Это волосы.

Она повернулась к нему, встретила его взгляд. Такого выражения на лице жены он никогда не видел. Даже когда у неё диагностировали рак. Даже когда она почувствовала первую боль при выкидыше в раннюю пору их супружества.

Её черты искажала гримаса ужаса.

Линда зарылась лицом в плечо мужа.

– О боже, – выдохнула она. – Там труп.

Дэн стиснул жену в объятиях, так крепко, что испугался, как бы её хрупкие кости не сломались.

– Да, родная. Труп женщины.

– Нужно сообщить в полицию, – сказала Линда.

Дэн оглядел берег. Внезапно оказалось, что они уже не одни. К ним направлялась молодая чета с двумя маленькими детьми. Он отстранился от Линды и, сложив ладони рупором у рта, крикнул сквозь шум неожиданно засвистевшего ветра:

– Назад! Уведите отсюда детей!

– Что случилось? – спросил парень с козлиной бородкой в бейсболке с эмблемой «Маринерс».

– Надо вызвать полицию! – ответил Дэн. – Полицию!

Линда вспомнила про свой «Блэкберри».

Не такая уж и дурацкая игрушка.

Она набрала номер «911».

Глава 13

16 сентября 2019 г., понедельник

Беллингем, штат Вашингтон

Дом Рида Салливана стоял в конце тихой улицы в районе Хэппи-Вэлли на южной окраине Беллингема. Разросшаяся лилово-белая глициния, обвивая решетку, ползла вверх на черную крышу из листового металла и спускалась по стене с другой стороны. Создавалось впечатление, что лиана вот-вот проглотит дом.

Подныривая под ее листву, Линдси пробралась к входной двери и постучала.

На её стук вышел мужчина в очках с круглыми стеклами. В его черной как смоль шевелюре серебрилась седина. Кардиган цвета овсяной крупы, черные брюки.

– Мистер Салливан?

Он смерил её пытливым взглядом.

– Да, это я.

– Я по поводу вашего звонка о той девушке, что обнаружили у водопада Мейпл.

Он смотрел ей в лицо, хлопая глазами, которые казались огромными за линзами очков.

– Зря я позвонил, детектив.

– Возможно, – ответила Линдси. – Но я все равно должна с вами поговорить.

Он закрыл дверь.

– Мистер Салливан, – не сдавалась Линдси, надеясь, что он стоит за дверью и слушает. – Мне необходимо знать, что тогда произошло. Необходимо знать, почему вы считаете, что убийство вашей жены имеет отношение к нашей жертве с водопада Мейпл.

Это была последняя приманка. Для Рида Салливана – последняя возможность рассказать то, что он скрыл двадцать лет назад. С затаенным дыханием Линдси смотрела, как поворачивается дверная ручка.

* * *

В гостиной Рида Салливана под высоким потолком крутились два вентилятора. Они с Линдси сели друг напротив друга. Он – в кожаное кресло; она – на диван с высокой спинкой, без подушек, но столь глубокий, что Линдси казалось, будто она уменьшилась в размерах. Под журнальным столиком лежала, свернувшись клубочком, нечистопородная персидская белая кошка.

– Мой последний последыш, – произнес Салливан, чуть улыбаясь – то ли кошке, то ли сам себе, довольный собственном каламбуром. – Привык, что в доме кошка. Калисте нравились пушистые, ну и я просто продолжаю традицию.

– С пушистыми возни много, – сказала Линдси, заметив, что ей на брюки уже налипли белоснежные волоски кошачьей шерсти.

– А то я не знаю! – воскликнул Салливан. – Расчесываю её дважды в день, и все равно вот вам пожалуйста. – Он показал на сбившуюся в комки белую шерсть на кресле.

– Мистер Салливан, мой коллега рассказал мне про ваше дело. Я тогда еще не служила в полиции. Мне жаль, что вы потеряли жену и сами пострадали. Вы позвонили, потому что усмотрели связь между смертью вашей жены и тем делом, что я сейчас расследую. Гибель Сары Бейкер.

– Все верно, – отвечал он. – Я знаю, что связь есть, потому что Сара звонила мне.

Линдси воззрилась на него долгим пристальным взглядом, пытаясь понять, не псих ли перед ней сидит. На вид вполне нормальный человек. Но психи зачастую ничем и не отлича-

ются от нормальных людей. Так он сумасшедший? Или просто стремится привлечь к себе внимание?

– Вы с ней говорили? – спросила она.

Он не занервничал. Глаза у него не забежали.

– Всего минуточку.

– Продолжайте, – попросила Линдси.

– Хорошо. Она сказала, что пишет статью, возможно, изобличительную. Я согласился дать ей интервью. А потом вдруг вижу статью в «Геральде». О гражданской панихиде в конце минувшей недели.

К нему на колени мягко запрыгнула кошка. В потоке воздуха, разгоняемого вентилятором, поплыло облачко шерсти.

Линдси попыталась побольше узнать о звонке Сары.

– Я согласился дать ей интервью, – повторил Салливан. – Она считала, что в деле гибели моей жены не все факты выявлены и что её смерть была не случайна. Что за всем этим стояла Марни Спеллман. И что могли быть другие.

– Какие другие?

– Она не сказала. Я не спросил. Подумал, объяснит при встрече. Эта встреча, разумеется, теперь уж никогда не состоится.

– А что Марни? Что она сказала о ней?

– Только это. Впрочем, она могла бы ничего и не говорить. Я и так знаю, что Марни опасная мошенница. Была и есть.

– Хорошо, мистер Салливан, давайте поговорим о вас и Калисте. Как вы оба оказались здесь, в Вашингтоне?

– Вы хотели спросить, как Марни Спеллман удалось подчинить своему влиянию мою жену, а потом и мою жизнь? – уточнил он, побагровев: должно быть, Линдси вскрыла незажившую рану.

– Пожалуй, – подтвердила она.

Салливан погладил кошку, и вверх, к вентилятору, снова полетели шерстинки.

– Все началось с того дурацкого канала «Магазин на диване». Она как будто загипнотизировала мою жену. Калиста принялась скупать её продукцию. Мыло, скрабы, эликсиры из цветочной пыльцы. Каждый день у нас на пороге появлялась посылка UPS.

Он умолк, и Линдси заполнила паузу:

– Многие покупали её продукцию...

– Но они не бросали всё, что им дорого, ради того, чтобы быть с ней, – перебил её Рид. – На мой взгляд, это была проблема – компульсивность, шопоголизм, что-то такое. Я даже предложил Калисте обратиться за помощью к психологу, а она закрылась от меня. И, если честно, я подумал и отступился.

– Помогло?

– Увы, нет, – ответил он, поглаживая кошку. – Я был в недоумении. Происходило что-то непонятное. Она к тому времени уже начала приобретать записи с её лекциями.

* * *

Зима 1998–1999 гг.

Лос-Анджелес, штат Калифорния

Недовольная реакцией мужа и друзей на её новое увлечение, которое начало проявляться зимой 1998–1999 годов, Калиста Салливан попросту устранилась от участия в их повседневной жизни и занялась самопознанием и поисками самой себя. Нет, она никуда не уехала, но витала в каких-то своих облаках. Подруги, с которыми она обедала по выходным, теперь никак не

могли договориться с ней о встрече. Она была слишком занята, слишком озабочена. Вечерами посещала курсы медсестер. Днем работала помощником администратора в одном из ресторанов, но так часто стала пропускать свои смены, что её уволили.

Калиста и не думала расстраиваться. Сосредоточила своё внимание на компакт-дисках, которые заказывала у расширяющегося предприятия Марни Спеллман.

– Я слышу зов, – призналась она Риду как-то в феврале.

– Зов? – Её слова не поддавались осмыслению.

– Голос говорит мне, что я должна уехать. Что меня ждет нечто более значимое.

– Более значимое, чем *твои дети*? Чем *я*?

– Вряд ли ты поймешь. Я сама поняла это только недавно. Речь идет о более высокой цели.

Глаза Рида наполнились слезами.

Калиста с тревогой посмотрела на мужа. Потом потянулась к нему, и они обнялись.

– Я тебя не понимаю, – произнес он.

– Знаю. Тебе это трудно понять. Рид, ты часть того мира, который создан для удобства мужчин: ты и наши мальчики в центре, а я на периферии. Но все же попытайся взглянуть на это моими глазами. Попытайся понять, что быть женой и матерью – это еще не вся жизнь, не конец всего. Я выхолощена. Во мне зияет пустота. Неужели ты не видишь?

Кто эта женщина?

– Нет, – отвечал он. – Я не могу этого понять. На мой взгляд, быть матерью наших сыновей – это большая честь, дар, который только ты способна преподнести. Более высокого предназначения просто быть не может.

Он старался, силился говорить на том же языке, к какому прибегала она.

Дар. Предназначение.

– Рид, – сказала Калиста, отстраняясь от него. – Я люблю тебя. Люблю. И мальчиков наших люблю. Мне трудно тебе это говорить, но время пришло, и себя я должна любить больше. Так предначертано судьбой.

Рид оставил попытки понять жену. Покраснел.

– Как предначертано? Калиста, наш брак... это всегда было равноценное партнерство. В нашей семье никогда не было, чтобы кто-то считался главнее другого.

Калиста отступила от него на шаг.

– Вот-вот. А почему, спрашивается? Почему я должна быть тебе равным партнером, а не главой семьи? Почему я, как женщина, не могу решать, как нам жить, в какую сторону двигаться?

– Калиста, этот дом выбрала ты. Мы растим двух сыновей, потому что ты хотела детей. Имена им тоже выбрала ты.

Калиста оставалась спокойной, безмятежной.

– Рид, к принятию всех этих решений подвел меня ты. В этом доме хотел жить *ты*, а я просто сказала, что мне он понравился больше остальных, хотя для меня куда предпочтительнее был дом с большим цветником на Филлмор-стрит.

– Да ведь то был не дом, а развалюха! – в отчаянии вскричал Рид.

– Да, ты так и сказал, – пожала плечами Калиста. – И я приняла к сведению. Что касается имен для наших сыновей, Брэйди звали твоего шафера, а имя Кристиан носила в девичестве твоя бабушка.

Рид знал, что она права, но не мог оставить её упреки без ответа.

– Ты сама предложила эти имена.

– Да. Потому как знала, что ты их одобришь.

Калиста посмотрела на компакт-диски, которые слушала в последнее время.

Проследив за её взглядом, он метнулся к столу и смахнул пластмассовые коробочки на пол.

Она не рассердилась. На лице её появилось грустно-задумчивое выражение. И даже едва заметная улыбка. Печальная улыбка, позже отметил он. Ни в коем случае не неприязненная. Эта улыбка происходила от глубоко запрятанного в ней «знания», как она выражалась, напоминая, что пришел её черед и мужу её не переубедить.

– Мальчики с тобой не поедут, – сказал он.

– Знаю, – ответила она. – Они принадлежат тебе.

Рид был вне себя от возмущения.

– Калиста, ты издеваешься? О чем ты думаешь? Ты – их мать. Ты нужна им.

Она покачала головой.

– Рид, я нужна *себе самой*.

* * *

16 сентября 2019 г., понедельник

Линдси выросла на «Беренштейновских медвежатах»¹¹ и других книжках, которые ненавязчиво пестовали в девочках убежденность, что они могут стать теми, кем захотят быть. Сама она, решив пойти на службу в полицию, даже не задумывалась о том, что служитель закона – не женская профессия. Её мать, избравшая стезю педагога, а не архитектора лишь потому, что в школе она была единственной девочкой в классе по черчению, восприняла выбор дочери как подтверждение того, что прежние условности, которые она в свое время не посмела нарушить, утратили свою значимость.

Если Рид Салливан верно оценивал ситуацию – а ничто не указывало, что это не так, – философия Марни Спеллман строилась на том же принципе, но была более радикальна: вторгалась на территорию семейных отношений, позволяя – нет, даже требуя, – чтобы жена и мать бросила супруга и родных детей.

– Должно быть, для вас это стало ударом, – промолвила Линдси. – Что она так вот взяла и ушла.

– Не то слово, детектив. Да. Сильнейшим.

– Она сразу уехала?

– В тот же вечер. Взяла с собой только то, что уместилось в два старых чемодана, и вызвала такси до аэропорта.

– А ваши сыновья? Как она им объяснила свой уход?

– При их разговоре я не присутствовал, – отвечал Салливан. – Она закрылась с ними в нашей спальне. Позже Брэйди сказал мне, будто она обещала, что уезжает ненадолго. Якобы в гости к новой подруге. Что-то вроде этого. И даже не намекнула, что возвращаться не намерена.

Он перестал гладить кошку.

– Несмотря на все её высокопарные речи о саморазвитии, о том, что она достойна быть кем-то более значимым, чем просто матерью и женой, Калиста была трусливой лгуньей. Ей не хватило смелости сказать мальчикам правду.

– Какую правду?

– Что мы ей не нужны. Больше не нужны. Что в её сердце нет места ни для кого, кроме неё самой. И той женщины.

– Марни Спеллман?

– Да, именно.

¹¹ «Беренштейновские медвежата» – легендарная серия детских книжек, созданная амер. писателями и иллюстраторами Стэнном (1923–2005) и Джен (1932–2012) Беренштейнами.

Глава 14

16 сентября 2019 г., понедельник

Беллингем, штат Вашингтон

Рид Салливан теребил вытянувшуюся нитку на своем кардигане. Он выглядел растерянным, словно перенесся в прошлое, где теперь чувствовал себя чужим. Линдси заметила, что по его лбу скатывается капля пота.

Воспоминания давались ему с трудом. Отзывались болью. Он рассказывал о том, как выставил дом на продажу в надежде, что Калиста дорожит их браком и согласится дать им второй шанс.

– Она присылала письма и оставляла на автоответчике сообщения, уверяя, что она скучает по своей семье и хочет, чтобы мы продали дом и переехали в Вашингтон. Мальчикам тогда было шесть и девять лет. Наверно, я дал слабину. Подумал: если мы хотим как-то наладить свою сломанную жизнь, нужно приспособиться к её жизни и к тем требованиям, что с этим сопряжены.

Рид был полной противоположностью представителям того поколения мужчин, которые настаивали, что профессиональная деятельность их жен имеет второстепенное значение. Что жены всегда должны следовать за мужьями. По месту их новой работы. В другой город. Чем бы она ни занималась. Он – глава семьи, и этим все сказано.

– Чем она занималась?

– В то время она жила в Беллингеми, откуда каждый день ездила на остров Ламми, где работала на ферме Спеллман. В одном письме она похвасталась, что не знала подлинного счастья, пока не начала работать у Марни.

– И что она там делала?

– Марни тогда еще только пыталась преуспеть. Разрабатывала одно зелье за другим, утверждая, что каждое – это не только эликсир вечной молодости, но и залог головокружительного счастья, которое происходит...

Он умолк.

– От чего?

– Да толком не знаю. От её мистической связи с природой. Якобы она избранная, богиня природы. Что-то в этом роде.

Рид встал с кресла, прошел к старинному секретеру из красного дерева и, ничего не говоря, полез в самый нижний выдвижной ящик. Потом, глядя в глаза Линдси, вручил ей пачку из десятка писем, перевязанную выцветшей желтой лентой. На конвертах – логотип фермы Спеллман: пчела в шестиугольнике.

– Они сложены по датам. Короткие. Почитайте, пока я сварю кофе.

Рид исчез на кухне, а Линдси развязала ленту.

Насчет краткости он не преувеличивал. Калиста писала буквально по несколько слов.

«Я преображаюсь. Это то, что мне нужно».

«Скучаю по тебе и мальчикам».

«Марни – самое удивительное существо из всех, кого я когда-либо имела честь знать».

«Такой счастливой я еще никогда не была. Должно быть, это и есть рай. Целыми днями на солнце, тяжелый труд. Блаженство».

«С каждым днем я все ближе».

Это письмо Линдси зачитала Риду, который вернулся в гостиную с чашками горячего кофе.

– О чем это она? К чему «ближе»?

Он поставил чашки на стол перед ней.

– Не знаю, правда. А жаль. Прочитайте последнее.

Линдси открыла последнее письмо. Оно было длиннее остальных, хотя все равно уместилось на одной страничке.

«Рид, я хочу, чтобы вы с мальчиками приехали сюда. Мы должны быть вместе, друг без друга мы неполноценны. Пойми: все, что я совершила – даже если это причиняет тебе боль – делалось во имя высшей цели. Во имя того, чтобы я стала такой, какой являюсь теперь. Продай дом. Забери мальчиков из школы».

Линдси подняла глаза на Рида.

– И вы приехали.

Он снова сел в кресло.

– Глупо, знаю. Временами я готов был её убить... – Он запнулся, сообразив, что допустил нелепую ошибку: опасно бросаться такими словами. – Я был зол, но, да, выполнил её просьбу. Я воспитывал двоих сыновей, нужно было думать о детях, вот я и взвесил все «за» и «против». Одно дело, что они росли без матери по её вине: она нас бросила. Это худо-бедно я ещё мог принять. Но когда пришел мой черед делать выбор, я не решился оставить их без матери. Они любили её. Просто, понимаете...

Он потянулся за кофе, и Линдси обратила внимание, что его рука немного дрожит. Болезнь Паркинсона? Нервничает?

Рид заметил, что она наблюдает за ним, и, отдернув руку, положил ладонь на подлокотник кресла. Внезапным резким движением.

– Что произошло, когда вы приехали сюда?

– Полагаю, вы и сами догадываетесь, – помедлив, отвечал он. – Ведь кое-что вам известно, детектив. Самое страшное.

– В общих чертах, – сказала Линдси. – Мне бы хотелось услышать всё из первых уст. Расскажите о Калисте и ферме Спеллман.

– Рассказать вам о Марни Спеллман?

– Да. О ней тоже.

– Хорошо. Все началось с неё и закончилось с ней. Она была примадонна, царица пчел, так сказать. Вела за собой группу женщин – приближенных, – которые трудились на ферме. Они все были как единый рой. И Калиста в том числе. Пока её не убили.

Глава 15

Июнь 1999 г.

Беллингем, штат Вашингтон

По приезду в Вашингтон Риду Салливану и его сыновьям, Брэйди и Кристиану, пришлось ждать целых три дня, пока Калиста соизволила их навестить. Она жила по своим часам, руководствуясь лишь собственными интересами. Каждое движение, каждый шаг, как позже она сказала Риду, ей диктовали силы природы. Ветер. Солнце. Жизнь.

Рид снял домик в районе Алабама-Хилл с детской горкой на заднем дворе, которую мальчики быстро переделали в укрытие – в крепость.

Им нужно было свое потайное место.

Ведь мама перевернула жизнь каждого из них.

Рид наблюдал за разгрузкой домашнего скарба, привезенного из Калифорнии, Грузчикам он велел, чтобы вещи Калисты отнесли в их общую спальню и поставили рядом с его вещами, разумеется.

С его стороны это было естественное предположение, но потом оно станет яблоком раздора.

Наконец Калиста явилась. Рид оторопел, увидев жену. Даже задержал дыхание, подумав, что она воспримет в штыки любую его реакцию. Калиста коротко постриглась – не совсем под «ёжик», но почти. Под глазами темнели круги. Она не поправилась и не похудела, разве что стала чуть более мускулистой. В любом случае внешне она имела мало сходства с той женщиной, с которой он расстался в Калифорнии. Поведение её тоже изменилось.

В принципе, он этого ждал. В конце концов, зачем-то же она бросила его.

Правда, он не думал, что её явственное равнодушие распространится и на сыновей.

Ошибся.

Когда мальчики кинулись к матери, Калиста, как показалось Риду, отпрянула, и на лице её на долю секунды отразилось отвращение.

Слова она, конечно, сказала правильные.

– Детки мои! Как же я по вас соскучилась!

Мальчики висли на ней. Особенно Кристиан. Он болезненнее, чем брат, переживал отъезд матери, постоянно плакал. Сидел на кухне у телефона, ожидая, когда она позвонит и скажет, что возвращается.

Когда она все-таки позвонила и Рид попытался вразумить её, их телефонный разговор перерос в перепалку.

– Позови к телефону Брэйди и Кристиана. У нас с тобой бесполезный разговор, Рид. Только расстраиваешь меня.

Главное – она.

Всегда только она.

Это была горькая реальность, повлиять на которую он никак не мог. Хотел возненавидеть жену. Если б возненавидел, было бы легче справиться с болью. А он продолжал любить её. Все пытался понять, окончательно ли она изменилась в существе своем, с головой уйдя в то, что он презрительно называл «культом Марни».

В тот день, когда женщина, которая голосом и немного внешностью была похожа на его жену, появилась у них, он сказал себе, что всё, с него хватит, он умывает руки. Не позволял себе даже мысленно произнести «надо дать ей время», потому как это подразумевало бы, что он её контролирует. А у него и в мыслях этого не было. Он не желал диктовать ей каждый её шаг.

Просто хотел, чтобы она вернулась в семью.

Вдвоем с Кристианом они сходили в китайский ресторан, принесли домой готовые блюда. Калиста отказалась есть.

– Ты ведь любишь жареный рис, – заметил Рид.

– Раньше любила, – сказала она и чуть улыбнулась, чтобы сгладить резкость своих слов. – Я не мучаю свой организм тем, что приготовлено неизвестно где.

– Это приготовили в «Мин-Гарден», – сообщил Рид. – Причем вкусно. Правда, мальчишки?

– Да, мама. Очень вкусно, – подтвердил Кристиан.

– За меня не волнуйтесь. Я взяла с собой «Батончики Марни». – Калиста вытащила из сумочки завернутый в фольгу батончик.

– Это же глупо, Калиста. Тебе нужно нормально питаться.

Не то он ляпнул.

– На тот случай, если ты не в курсе, это сделано из солнца и моря, – сказала Калиста. – И нет ничего глупого в том, что она делает для нас.

– Марни диктует тебе, чем ты должна питаться?

– Ты извращаешь факты, Рид. Это как раз ты мне диктуешь, напоминая обо всем том, от чего я бежала, когда уехала сюда.

– Давай не будем, а? – попросил Рид, глянув на сыновей. Те перестали есть, ожидая, что сейчас станут свидетелями очередной родительской ссоры.

Как в прежние времена.

– Прекрасно. Просто, к твоему сведению, когда я говорю, что нет ничего глупого в том, что она делает для нас, я имею в виду не Марни, а Бога. Бог – женщина. Создатель всего, что есть я, и всего вокруг меня.

Калиста посмотрела на сыновей.

– Мальчики, вы доказательство Её божественной природы.

– Что? – спросил Кристиан.

Рид положил руку на плечо сына.

– Да ничего.

Калиста доела свой батончик и удалилась в комнату сыновей, где матрасы лежали на полу и всюду стояли коробки. Рид смотрел, как за ней закрывается дверь. Мальчики, поужинав, обратили на отца вопросительные взгляды. Он кивнул на дверь, за которой скрылась Калиста, словно говоря: да, конечно, идите за ней. Изображал уверенность, которой не чувствовал. Как знать, что могла выкинуть эта чужая женщина, похожая на их мать?

Она впустила детей, и дверь снова закрылась.

Через полчаса Калиста вышла.

– Я скучаю по ним.

– Им тебя не хватает.

– И по тебе скучаю, – добавила Калиста, целуя его. Одновременно нежно и страстно. Рид ответил на её поцелуй. Минутой позже они уже закрылись в другой комнате и повалились на матрас. Рид со слезами на глазах предавался с ней любви. Он сомневался, что на свете найдется другая женщина, которая могла бы сравниться с Калистой. Она вертела им как хотела: отшвыривала, словно мусор, а потом манила пальчиком, и он снова был у её ног.

Так продолжалось с месяц. Она приходила, играла с сыновьями, занималась сексом с Ридом и уходила.

Когда пришла последний раз в их съемный дом, была совсем другая. Более холодная, особенно по отношению к Риду. Он ждал, что они уединятся в спальне после того, как дети заснут, а она, взяв сумку и пиджак, собралась уходить.

– Я рада, что вы приехали в Вашингтон. Долго намерены здесь пробыть?

Рид не знал, как реагировать. Должно быть, это отразилось на его лице.

– Ой нет, – сказала она. – Ты не так меня понял.

– Что значит «не так понял»?

– Прости, Рид. Я думала...

– Что ты думала?

– Я думала, ты знаешь, что это просто визит. На несколько недель. Никак не ожидала, что ты перевезешь все наши пожитки.

На самом деле, он выбросил почти всю её одежду и сжег фотографии, когда она покинула Калифорнию и уехала на северо-западное побережье. Но да, все остальное он привез.

– Ты же попросила продать дом. И приехать сюда.

– Совершенно верно. Мне нужны деньги. Моя доля от продажи дома. Я думала, ты сам догадаешься. По законам Калифорнии всё имущество супругов считается совместно нажитым. Наш брак себя исчерпал. Я уже связалась с адвокатом.

Его очки стали запотевать, хотя в теле ни один мускул не дрогнул.

– С адвокатом? – переспросил Рид, ошеломленно глядя на жену. – Деньги? Ты все это затеяла из-за денег?

– Конечно, – ответила она, шагнув к выходу. – Зачем же еще?

– Из-за детей, например?

Калиста опустила глаза.

– Они счастливы. Видно, что о них хорошо заботятся. Рид, я знала, что ты справишься. – Тон у нее был снисходительный.

Рид снял очки, вытер стекла о рубашку. Надеюсь ли она, что он закричит, отчитает её, напомнит, что их сыновей родила она и они принадлежат ей? Но он не стал устраивать скандал. Он не знал этой женщины. Это была не Калиста.

– Мне понадобится твой банковский счет, – произнес Рид.

– У меня его нет.

– Заведи. Я перечислю деньги.

Она смерила его холодным взглядом.

– Мне нужны наличные. Живые деньги.

Она открыла дверь на улицу. В соседнем дворе залаяла собака. Мальчики спали в своей комнате. Казалось бы, все как обычно, – по крайней мере, внешне. Разумеется, это было обманчивое впечатление. Он потерял жену. Жизнь его была разрушена.

– Я рада, что вы приехали, – сказала Калиста. – Искренне рада.

С этими словами она закрыла за собой дверь и снова исчезла.

* * *

16 сентября 2019 г., понедельник

Линдси поставила на стол чашку с кофе и протяжно выдохнула.

– И что вы обо всем этом думали?

– Я понял, что она для нас потеряна. Четко это осознал, как и то, что увела её из семьи Марни Спеллман. Теперь я понимаю, что моя жена была искательницей. Только до того вечера я не знал, что она ищет.

– И что же она искала? Чего хотела?

– Свой путь. Жизнь, не обременённую мною и сыновьями. И нашла себя на острове Ламми. Нашла дом, который ей нравился. Просто в нем не оказалось места для нас. Если б не моя гордыня, я понял бы это раньше. Когда ко мне пришла Карен Рипкен.

– А это кто? – спросила Линдси, записав новое имя.

Не отвечая, Рид внезапно поднялся и удалился на кухню. Линдси услышала, как открывается дверца шкафа, затем – с хлопком крышечка склянки с таблетками, потом – шум полившейся воды.

– Пора принимать лекарства, – объяснил Рид, вернувшись в гостиную. Он пододвинул развалившуюся в кресле кошку и снова сел. – Я чувствовал себя полным идиотом, – добавил он, остановив взгляд на письмах.

– Неудивительно, когда на вас сразу столько всего навалилось.

– Да, вы правы. Мне было бы легче пережить уход жены, если б я послушался Карен. Она знала, что говорила. Сама через это прошла.

– Расскажите о ней. Кто она такая?

– Я с ней познакомился по объявлению, которое она повесила в «Ральфсе», в одном из гастрономов в Калифорнии. Оно гласило: «Если Марни Спеллман отняла у вас кого-то из близких, вступайте в мою группу поддержки». Нижний край объявления был разрезан на полоски с её номером телефона. Я оторвал одну полоску, сунул в бумажник. Придя домой, прилепил полоску на холодильник и несколько дней смотрел на неё. Собирался с духом, чтобы позвонить.

Глава 16

Мать Карен Рипкен, Аннет, бросила свою семью в Калифорнии и уехала на ферму Марни Спеллман в 1998 году, за год до Калисты Салливан. Аннет оставила своего второго мужа и двух дочерей – Карен, которая тогда была подростком, и двухлетнюю Сару.

Карен училась в выпускном классе средней школы и была непосредственной свидетельницей того, как мать на её глазах превращалась в фанатичную последовательницу Марни. Сначала, подобно Калисте Салливан, она скупала всю продукцию Марни, которую та рекламировала на телеканале «Магазин на диване», затем присоединилась к её «движению», по выражению матери Карен. Тридцать лет миновало с бурных 1960-х, ознаменованных чередой кровавых революций и беспорядков, а Марни, в восприятии её матери, все еще боролась за правое дело. Для неё и других женщин, попавших под влияние Марни Спеллман, эпоха революций по-прежнему продолжалась.

Северо-западное побережье страны для них было идеальным домом. По непонятной причине обитатели этого края упорнее, чем население других регионов, льнули к эстетике шестидесятых. Там многие по-прежнему с восходом солнца взбирались на скалы или уединялись в «потельнях»¹², чтобы войти в более тесный контакт с собственной душой. Магические кристаллы, пирамидки, связки сушеного шалфея были традиционным товаром на уличных базарах с атрибутикой хиппи, которые устраивались на каждом шагу. Все это создавало благодатную почву для процветания всякого рода групп, занятых духовными исканиями. Непосвященные такие сообщества презрительно называли сектами или культами, особенно если их лидеры обладали мало-мальской харизмой (или хотя бы имели бороды, кося под пророков).

Впрочем, Марни Спеллман харизмой похвастать не могла. Даже юная Карен это видела. Внешне она была типичная мещанка, обывательница. На взгляд Карен, Марни больше походила на лощеную белокурую домохозяйку из пригорода – или на актрису, исполняющую роль такой домохозяйки в телесериале, – но никак не на мессию. Карен она приводила в недоумение.

– Что в Марни такого уж особенного? – спросила она мать.

– А ты посмотри на неё. – Аннет протянула ей компакт-диск Марни. – Неужели не видишь?

Карен взяла компакт-диск. Портрет Марни буквально светился под прозрачным пластиком. Глаза цвета сапфира. Кожа безупречно гладкая. Сияющий ореол волос на голове – эффект, достигнутый с помощью задней подсветки и мастерства фотографа.

– Ну да, пожалуй, красивая женщина. – По крайней мере, по канонам красоты её матери.

– Красивая? И это всё, что ты видишь?

– А что ещё?

Аннет постучала пальцем по пластиковой коробочке компакт-диска.

– Посмотри, какие мудрые у неё глаза. Какая аура исходит от портрета. Карен, неужели не видишь?

Она не видела. Ни мудрости, ни ауры.

– Ну да, пожалуй, – согласилась Карен – из вежливости, чтобы не обидеть мать. Та тяжело пережила уход первого мужа, отца Карен, страдала от одиночества. Потом ей все же удалось снова выйти замуж, за вполне приличного человека, и родить ещё одну дочь, сестренку Карен... но в ней произошел надлом. У Карен сердце сжималось от жалости к матери.

– Она прекрасна. А теперь посмотри на меня, – сказала Аннет. – Что ты видишь?

¹² Sweat lodge (англ.) – у северо-американских индейцев хижина из натуральных материалов, предназначенная для церемонии очищения – обрядового или лечебного потения. Для получения пара воду льют на раскаленные камни, при этом достигается температура +60 °C – +70 °C.

Карен заскользила взглядом по лицу матери. У той были зелёные глаза и шелковистые каштановые волосы.

– Я вижу маму. И она столь же прекрасна. Столь же удивительна.

Та одарила дочь чуть грустной понимающей улыбкой.

– Давай будем говорить откровенно. Ты видишь маму. – Аннет положила диск на стопку с записями лекций Марни Спеллман. – Но это не я. Если честно, эту роль я уже отыграла.

– Как это «отыграла»? – ошетибилась Карен.

– Ты уже взрослая девочка, – сказала ей мать. – В следующем году начнешь учиться в университете. А я не намерена всю жизнь быть только матерью. Моё предназначение не только в этом. Я переезжаю на север.

– Куда? К той компании чудиков?

– Ты так говоришь только потому, что ещё молода. И видишь самые простые пути к счастливому будущему. Университетский диплом. Замужество. Дети. Внуки. Это – жизнь, распланированная обществом. Я ему свой долг отдала. Теперь сама буду решать, как мне жить. Мне выпал шанс, и я им воспользуюсь. Надеюсь, мой случай, обретение веры в себя, послужит примером для тебя и твоей сестры...

– О чем ты вообще *говоришь*? Подумай о том, что есть, прямо перед тобой. У тебя двухлетняя дочь! Как же она, мама?

– Я уже все устроила.

– Что? Как ты намерена поступить с Сарой?

– Она будет жить в семье. Не в детском доме. Господи, Карен, не надо всё драматизировать.

Карен заплакала. Аннет стояла с каменным лицом и невозмутимо смотрела на дочь. Слезы дочери её не трогали. Она была спокойна. Это у Карен внезапно земля ушла из-под ног.

– Мама, ты передергиваешь мои слова, – произнесла она после долгого молчания. – Я не это имела в виду. Конечно, ты не только мама. Ты больше, чем мама.

– Милая, – чуть смягчилась Аннет, – как ты можешь понять мою правду, если ты даже своей не понимаешь?

– Я понимаю, мама. Ты ведешь себя неблагоприятно.

В ту пору она ещё не знала, что для тех, кто попал в расширяющуюся зону влияния Марни, понятия «благоприятно» не существует.

Карен почувствовала, как её щеки вновь обожгли горячие слезы.

– Мама, я тебя не понимаю.

– Поймешь, когда доживешь до моих лет. Поверь мне. И если к тому времени ты не обретишь себя, значит, будешь маяться так же, как всю жизнь маялась я.

* * *

16 сентября 2019 г., понедельник

Линдси заметила, что Рид поглядывает на часы, висевшие на стене.

– Вы кого-то ждете? – поинтересовалась она.

– Нет. Просто отслеживаю время. Нам так мало отпущено. Карен рано потеряла мать. Мы все оказались вовлечены в нечто такое, что не поддавалось осмыслению. Я не мог понять, чем Марни удерживает своих последователей. И Карен тоже. Мы думали, что резонные доводы спасут нас. Что, апеллируя к разумному началу, от природы заложенному в моей жене и ее матери, мы сумеем каким-то образом вернуть их в семьи. Но Марни их словно околдовала.

– Вы сказали, что зря не послушались Карен. Что вы имели в виду?

– Она категорически рекомендовала не переселяться сюда. Объяснила, что три раза навещала мать и каждый раз уезжала с убежденностью, что все её усилия были напрасны. Однако

она, помимо собственной воли, не теряла надежды, не оставляла попыток. На собственном печальном опыте она убедилась, что это бесполезно. И это вдалбливали все, кто входил в её группу поддержки. Никто из них не мог соперничать с Марни.

– Что она сказала, когда вы сообщили ей о своем решении переехать сюда?

Рид молчал.

В комнате вдруг как будто стало очень тесно. Линдси постаралась не нагнетать ещё больше атмосферу напряженности. Не мешала ему думать, отпуская замечания лишь для того, чтобы заполнить затянувшуюся неловкую паузу.

– Она сказала, что я совершу самую большую ошибку в своей жизни, если отправлюсь сюда. И до конца своих дней буду о том горько сожалеть. И знаете что?

– Что?

Рид сложил руки в молитвенном жесте.

– Она оказалась права. Я жалею, что приехал сюда, но тогда другого выхода я не видел. Я приехал и остался, так как думал... думал... что она вернется к нам. Думал, что она сумеет вырваться из того, что её крепко держало.

– Но она не вернулась, – подытожила Линдси.

– Нет. Я виделся с Калистой только еще один – последний – раз после того, как отдал ей деньги.

* * *

Июль 1999 г.

Вскоре после того, как Калиста потребовала свою долю от продажи их дома в Калифорнии, Рид положил деньги – \$128 000 – в холодильник. Через неделю за ними явилась Калиста. Мальчики в это время гуляли – обследовали округу. На этот раз Калиста выглядела лучше. Темные круги под глазами исчезли. Она была оживленная, жизнерадостная, даже сандалии скинула, усаживаясь в гостиную. Загорелая, подтянутая, она казалась более открытой. Не столь высокомерной.

Эта Калиста сильно отличалась от той, которая несколько дней назад потребовала у него наличные.

– Могу я предложить тебе бокал вина? – спросил Рид, надеясь, что жена одумалась и вернулась навсегда.

Она жестом отказалась.

– Воды. Комнатной температуры. Бутылочную, если есть.

Рид подавил в себе порыв состроить гримасу или бросить в ответ колкость. Он смотрел на неё другими глазами. Она больше не была его женой. Перед ним сидела чужая женщина. Однако он по-прежнему любил её. Какая нелепость!

Ему следовало бы ненавидеть её.

– Сейчас принесу.

– Рид, я не жду, что ты поймешь, – сказала Калиста, когда он вернулся в комнату со стаканом воды.

Он решил, что с него хватит: в эти игры он больше не играет.

– Мне нет необходимости что-либо понимать.

Калиста допила воду и пристально посмотрела на него. Глаза у нее были красивые.

– Ты приготовил деньги?

Мгновенно рухнули все его надежды, пусть и несбыточные.

– Боже мой, Калиста! Неужели это всё, что ты хочешь?

– Вообще-то, нет. Мне нужна только я сама. А деньги... они мои.

Мысленно Рид попрощался с ней. Вслух он ничего не сказал. Прошел к холодильнику и из-за контейнера с замороженной лазаньей вытащил большой пакет с деньгами. Повернувшись, увидел, что Калиста, уже обувшись, стоит рядом с ним.

– Держи. – Он протянул ей деньги.

Забирая пакет, она наклонилась к нему. Ближе, чем в том была необходимость. Он чувствовал на лице её дыхание.

Предлагает поцеловаться?

Ну уж нет.

Рид резко отступил назад, спиной задев дверцу холодильника. Прикрепленные к ней магнитиком с эмблемой футбольной команды «Сиэтл сихоукс» счет из компании грузоперевозок и список продуктов, которые требовалось купить, соскользнули на пол.

– До свиданья, – сказал он.

Она скрылась за дверью, села в ожидавший её автомобиль.

И уехала.

* * *

16 сентября 2019 г., понедельник

Линдси слышала, как за её спиной тикают часы. Кошка Рида вдруг убежала в кухню. Боль искажала черты Рида, хотя со дня прощальной встречи с женой миновало много лет.

– И с тех пор вы больше её не видели?

– Только один раз.

* * *

Июль 1999 г.

Прошло несколько недель с того дня, когда он передал Калисте часть денег от продажи дома. Она ни разу не позвонила, даже поздравительных открыток не прислала сыновьям, которые в этот период справили свои дни рождения. Словно она вообще никогда не имела отношения к их семье. Рид заметил, что мальчики перестали спрашивать про мать, и он, стараясь не напоминать им о ней, тоже прекратил говорить о жене. У него мелькала мысль, что, возможно, ей грозит опасность, но ни к каким действиям его это не подтолкнуло. Карен Рипкен уже прошла этот безнадежный путь. Она нанимала частных детективов, звонила в местную полицию по делам индейцев острова Ламми. Даже участвовала в одном из дневных телешоу, в котором обсуждалась проблема сект, заманивающих людей в свои сети.

– Это заговор, – заявила она ему как-то по телефону. – Готова поспорить, что наши телефоны прослушиваются.

– Нет, Карен. Это уж слишком.

Голос Рида, его задумчивый рассудительный тон успокоили её.

Правда, ненадолго. Вскоре она снова вернулась к своим теориям заговора, доказывая, что происходит что-то преступное. Что в том, как Марни Спеллман влияет на её мать, есть что-то неестественное.

– Демоническое, – с жаром настаивала она.

– Да нет же, Карен. Это не так.

– Рид, у вас своё мнение, у меня – своё.

Он подумал, что она, возможно, пьяна. Или находится под воздействием наркотиков. Или настолько измотала себя, пытаясь вернуть мать в лоно семьи, что сломалась.

На взгляд Рида, подход Карен мог служить ярким примером того, как нельзя действовать. Сам он решил, что отпустит Калисту. Попытается начать жизнь с чистого листа. Не допустит, чтобы гнев и чувство беспомощности правили его дальнейшей жизнью.

Таков был его план.

Пока он не увидел её еще раз спустя месяц после того, как передал ей деньги. Спустя полтора месяца после их последней, как теперь выяснилось, сексуальной близости.

Глава 17

Август 1999 г.

Беллингем, штат Вашингтон

Стоял август. В Беллингеме съезжались студенты, жаждавшие дешёвого пива и солнечного света. Рид шел по Саут-Стейт-стрит, стараясь обходить стороной толпы возвращающихся с каникул студентов и их родителей, и вдруг услышал знакомый голос.

– Рид?

Он резко обернулся. Это была *она*. Калиста. В черных джинсах и желтой футболке; это были цвета символики фермы Спеллман.

– А я всё думал, когда же наши пути пересекутся, – произнес Рид. – Не такой уж это большой город.

– Так вы ещё здесь, – отвечала Калиста. – Я думала, вы с мальчиками уже уехали обратно в Калифорнию.

Он хотел сказать ей правду: они ждут, что она вернётся к ним. Но выдал вполне правдоподобную ложь:

– Калифорния нам теперь не по карману. Впрочем, нам здесь нравится. Правда, дождей многовато.

– От дождя всё зеленеет, – заметила Калиста.

Он стоял и смотрел на неё, почти не отрывая глаз. Выглядит хорошо. И пахнет от неё приятно. Чем-то сладким. Манящий аромат. Должно быть, что-то из расширяющегося ассортимента продукции фермы Спеллман.

Калиста стояла совсем рядом, и он вновь вдохнул исходивший от неё запах.

Лаванда.

– Может, по чашке чая? – спросила она. – Или кофе?

Предложение жены вывело его из раздумий.

– Да. Конечно. Здесь недалеко за углом есть кафе.

Она справилась про Брэйд и Кристиана.

– Они молодцы, – ответил он. – Привыкают понемногу.

Это был скрытый намёк на то, что они скучают по маме, но Калиста пропустила его мимо ушей.

Они зашли в «Кофе-хаус» и заказали для неё чай, для него – кофе. Обоих сковала неловкость. Рид на мгновение пожалел, что на улице обернулся на оклик жены: мог бы притвориться, что не услышал. Он, конечно, скучал по ней. Просто теперь не знал, что она за человек. Калиста сильно изменилась, стала другой. Видимо, наконец-то обрела в себе то, что искала.

– У тебя все хорошо? – поинтересовалась она.

– Странно себя чувствую, сидя здесь с тобой.

Официант принес напитки. Калиста вытащила из сумочки пакетик меда, подлила немного в чай и размешала.

– Хочешь? – предложила она.

Рид покачал головой.

– Нет, спасибо.

– Жизнь – странная штука, Рид. Большая загадка. Вот мне сейчас хорошо с тобой.

Своими словами Калиста снова поставила его в тупик. Что она имела в виду? Был ли в них какой-то особый смысл, скрытый «между строк»?

– Ты причинила мне боль, – выпалил он.

– Знаю, – ответила она. – Я никому не хочу делать больно. Жизнь – не конкурс, в котором победитель получает всё.

Он узнал эту фразу. Она была написана на одной из открыток Марни Спеллман, которую он обнаружил, когда Калиста уехала из Калифорнии. Язвительная ирония, неслыханное бесстыдство! Разве Марни не забрала себе всё, по крайней мере, у них?

– Я понимаю, что между нами всё кончено, – наконец произнес он. – Знаю, что я тебе не нужен. И мальчишки не нужны. Знаю. Пытаюсь с этим жить. Получается, мы потеряли тебя. Будто ты растаяла прямо у нас на глазах.

Калиста погладила его по руке. Он не стал сопротивляться. Ладонь у неё была гладкая. Кончиками пальцев она касалась волосков на его руке. Её прикосновение. Он по нему так скучал.

Вот дурень. Кретин.

– Да, ты меня потерял. И, конечно, тебе это нелегко принять, но я обрела себя, Рид. Обрела свое предназначение. Каждый божий день я благодарю Бога за Её блага.

Рид краем глаза заметил, что к их разговору прислушиваются парень с девушкой. И официант тоже.

– Мне кое-что нужно, – сказала Калиста. – Ты дашь то, что мне нужно?

Он не понимал, о чем речь.

– Что же ещё тебе нужно? По-моему, ты забрала всё, что можно забрать, не унося собственными руками. У сыновей нет матери. Мы живем в арендованном доме. Я работаю на бумажном комбинате в какой-то дрянной должности. И тебе нужно что-то ещё?

– Не надо так громко, – предостерегла его Калиста. – Тебя слушает всё кафе.

Рид повернулся к парню с девушкой. Те сразу же отвели глаза и сделали вид, что с интересом рассматривают что-то в чашках с кофе.

– Мне нужны деньги, – продолжала Калиста. – Мой адвокат произвёл расчеты, связанные с продажей дома. Ты не доплатил мне, Рид. Возможно, случайно. А может, намеренно. Ты должен мне ещё восемнадцать тысяч долларов.

Рид вскочил на ноги, опрокинув чашку. Кофе потекло со стола на пол. В другое время и в другом месте он бы чуть от стыда не сгорел.

– Ну ты и *дрянь*! – прошипел он, не в силах сдерживать охватившую его ярость. – Мне же пришлось заплатить твою долю налогов.

– А тебе ничего другого не оставалось, Рид.

– Ты бросила меня. Мы должны были подавать совместную налоговую декларацию.

– Ты обманул меня, Рид.

– Я никогда тебя не обманывал. Лгала *ты*. Шушукалась со своими подружками, поклонявшимися этой мошеннице Марни Спеллман. И я слова об этом ни разу не сказал, черт возьми. А зря.

Калиста не поддалась на провокацию. Её интересовало только одно.

– Я говорю про деньги, Рид. У нас есть адвокаты.

– «У нас»?

– Да какая разница?!

Он ринулся к выходу. Надо было уйти, не говоря ни слова. Но он остановился, повернулся к ней.

– Калиста, вот честно, лучше б ты умерла. Разбилась бы в какой-нибудь дурацкой аварии на Лонг-Бич. Я был бы вне себя от горя... но вот это! Надо же, за деньгами пришла! В кошмарном сне не приснится. Ты посмотри, в кого ты превратилась?! Холодная, расчетливая стерва, полная противоположность той женщины, какой ты была – да и той, какой ты себя изображаешь.

* * *

16 сентября 2019 г., понедельник

Теперь кошка забралась на колени к Линдси. Мурлыкала от удовольствия. И согнать её было как-то неудобно. Нельзя сказать, что Линдси не любила кошек. Она к ним относилась хорошо. Её беспокоило то, что на ней были темные брюки. Когда встанет, наверняка будет выглядеть так, словно вылезла из корзины с ватой.

– И это была ваша последняя встреча?

– Да, разумеется, – резко ответил Рид.

– Простите, – извинилась Линдси. – За то, что невольно вас расстроила. Даже представить не могу, что бы я сама чувствовала, если б меня обвинили в преступлении, которого я не совершала. Я не хотела бить по больному месту.

С видимым усилием Рид заставил себя успокоиться, снова откинулся на спинку кресла.

– Эта рана не заживает, – с насадой в голосе произнес он. – Да, сейчас я сам виноват – сам вам позвонил. Но всегда, когда мне приходится говорить об убийстве Калисты, – это как удар под дых. И обычно наносят его люди, которые хотят прославиться за чужой счет. Журналисты, телевизионщики, – и да, даже полицейские. Все они копаются в моей жизни, выставляют её на всеобщее обозрение – ради своих корыстных целей. Так устроен мир. – Рид покачал головой. – Но мне это не нравится.

* * *

Следователь уехала. Она оживила в нем мысли и опасения в отношении Марни Спеллман. Открылись старые раны. Рид вспомнил свой последний разговор с Карен Рипкен. Он был недолгим. Карен позвонила поздно вечером, вскоре после того, как обнаружили труп Калисты.

– Рид, я видела репортаж о вашей жене. – И снова ему показалось, что она пьяна. – Примите мои соболезнования. Есть новости о том, как продвигается расследование?

Он поблагодарил её за сочувствие. Сообщил, что его допрашивали полицейские.

– Так я и думала. Вы ведь её муж.

– Бывший муж, да. Полагаю, в таких случаях, мужья всегда первые попадают под подозрение.

– Да, наверно, – согласилась Карен. – Я просто хотела узнать, как вы. Хотела выразить сочувствие. Знаете, у меня ведь мама умерла.

– Боже мой, Карен, – воскликнул он. – Как это случилось?

Телефон молчал.

– Карен?

– Она покончила с собой, – ответила девушка. – Видимо, так и не смогла «обрести себя». А может, и обрела, но ей не понравилось то, что она нашла. Думаю, многие последователи Марни приходят к такому же выводу, и она их сводит в могилу.

– Не совсем понимаю, к чему ты ведешь, – произнес он. – К какому еще выводу?

Голос Карен звучал совсем тихо, словно она далеко отошла от телефона:

– Её гнилая философия «от внешнего к внутреннему» – это просто рекламный трюк для продвижения товаров. – Карен едва слышно вздохнула. – Если человек тронулся рассудком, его не вылечишь кремом для лица на основе пчелиной пыльцы.

Рид услышал позвякивание кубиков льда: видимо, Карен налила себе ещё один бокал.

– Карен, тебе надо отдохнуть. Я искренне сочувствую твоему горю.

Глава 18

Линдси продолжала отрабатывать возможные версии убийства Сары Бейкер.

Она поговорила с полицейскими студгородка, спросила, что случилось с камерой наружного наблюдения в том месте, где была припаркована машина Сары.

Камера не работала, был перерезан шнур питания.

– Время от времени такое случается, – объяснили ей. – Студенты считают, что за ними постоянно следят, и им это не нравится. В прошлом году один первокурсник напился и разбил десять камер, причем, представьте себе, стрелял из рогатки.

По её просьбе лейтенант Мэдисон поручил одному из младших сотрудников проверить окружение Сары, поискать парней, с которыми она встречалась, а также других друзей, помимо Зоуи.

Довольно скоро выяснилось, что друзей у Сары не было. А парень если и был, никто его никогда не видел и вообще не знал о его существовании.

Карла Фландерса из газеты «Западный фронт» пришлось вычеркнуть из списка подозреваемых: было установлено, что в вечер гибели Сары он находился на вечеринке в компании примерно двадцати студентов.

На столе Линдси ждала папка с материалами по делу Салливана, которые она запросила в архиве. Прежде чем погрузиться в их изучение, Линдси просмотрела свою почту на сервере полицейского департамента. Записи зубной формулы Сары, отчёт о патологоанатомическом исследовании тела, видео с панихиды. Она загрузила в компьютер запись своей беседы с Салливаном и задумалась о возможной связи между ним и Сарой Бейкер; предмет интересный, но пока ничего не ясно. Сара позвонила ему и договорилась о встрече. Она работала над какой-то статьёй. «Изобличительной», как выразился Рид. В любом случае обсуждать это по телефону Сара не хотела.

Что ей было нужно от Салливана? Собиралась задать ему ряд вопросов о гибели его супруги? Или знала об этом деле что-то, чего не знал он?

Линдси не могла представить, чтобы Сару Бейкер убил Рид Салливан. Картинка не складывалась. Во-первых, тот любил кошек. И главное, был слишком стар и слаб, не сумел бы по лесной тропе дотащить труп девушки до водопада.

Ладно, убил не он. А в чем-нибудь он солгал?

Линдси составила по пунктам план расследования. Нужно изучить прошлое Сары; установить, с кем, когда и как она общалась; выяснить, каким образом её тело попало к водопаду Мейпл. Кроме того, необходимо найти всю возможную информацию о Марни Спеллман и понять, что на самом деле произошло на острове Ламми и почему преступление так и не было раскрыто.

Была убита женщина. Мужчину судили, но оправдали. А потом – о-па. Ничего. За убийство никто не понес наказание.

Возможно, именно над этим работала Сара Бейкер. Искала виновных... и её остановили.

В деле Рида Салливана Линдси нашла отчёт об опросе капитана паромов, что осуществлял сообщение между островом Ламми и материком. Запись была краткой, но в ней содержался намек на что-то, что показалось следователю интересным.

Капитан Винни Баренфенгер водил паром по этому маршруту шестнадцать лет и гордился тем, что четыре года подряд ему присуждали награду за отправление рейсов точно по расписанию. К сожалению, потом паромная компания приняла решение, что в этом соревновании будут участвовать только суда, обслуживающие маршруты большей протяженности.

«По словам Баренфенгера, – записал следователь, – он знал всех работников Марни, и Калиста была одним из постоянных пассажиров на его пароме. Муж сердится на неё, как-то

призналась ему Калиста, за то, что она бросила его с детьми в Калифорнии. Приятная женщина, охарактеризовал её паромщик. В отличие от других пассажирок любила поболтать. Он запомнил, что Калиста приехала на Ламми в начале недели, но потом не видел, чтобы она покидала остров, и это показалось ему странным. Те, у кого нет собственного катера, добраться до острова могут только на его пароме».

Позднее, когда в выпусках новостей показали фотографию Рида Салливана, Баренфенгер позвонил в департамент полиции Ферндейла и оставил сообщение.

В деле имелась его расшифровка:

«Я видел этого типа. Неприятный такой, даже злой. Сам я с ним не общался. А говорю о том, как он держался. Уверен, я видел, как он покидал остров на следующий день после того, как та женщина пропала. Он приехал на пикапе, в задке были какие-то вещи. Возможно, он торопился. Подробности уже позабылись, но я точно помню, что очередь была длинная, и он, стоя на месте, постоянно поддавал газу, сигналил, подгоняя тех, кто был впереди. Неудивительно, что Калиста сбежала от него. Из всех работников Спеллман Калиста была, пожалуй, самая приятная. Поймайте этого типа».

Следователь в дополнение записал: «В течение недели, предшествующей исчезновению Калисты Салливан, сообщений о механических неисправностях на пароме не поступало».

Линдси никак не удавалось соотнести рассказ паромщика со своей оценкой личности Рида Салливана. Тот не был похож на человека, который стал бы сигнализировать, требуя, чтобы ему уступили место в очереди. Человек он был инертный. Позволил, чтобы против него сфабриковали обвинение в убийстве, которого он не совершал.

* * *

Линдси сходила к торговому автомату в комнате отдыха, взяла себе на поздний обед/ранний ужин контейнер с лапшой и напиток «Доктор Пеппер» без сахара, вернулась на рабочее место и, поглощая свою нехитрую еду, вновь углубилась в изучение материалов дела Рида Салливана, знакомясь с предысторией давнего происшествия.

Сведения были интересные, но сбивали с толку. Оказывается, дело-то было вовсе не такое банальное, как на то намекал ей один из коллег перед её отъездом к Салливану.

Рид Салливана не сразу обвинили в убийстве Калисты. У него было железное алиби: в те дни вместе с сыновьями он совершал турпоход по побережью в составе группы родителей-одиночек и их детей. Более десятка свидетелей подтвердили, что он был с ними в течение пяти дней. Соответственно Рид никак не мог съездить на остров Ламми, убить жену и бросить её труп в воду.

Газета «Сиэтл таймс», стремясь привлечь интерес местных читателей, выразила некоторые сомнения.

По счастливой случайности, всего за две недели до того, как труп Калисты был обнаружен приезжими туристами, крупнейшая газета штата Вашингтон открыла отделение в центре Беллингема, на Рейлроуд-авеню. Единственным журналистом, отвечавшим на телефонные звонки и писавшим заметки для «Сиэтл таймс», был некто Тедд Макгроу, молодой парень 28 лет, которого переманили из газеты «Беллингем геральд».

На целых два месяца Макгроу удалось застолбить первую полосу газеты для своих публикаций по делу об убийстве, за которое никого не осудили. Он писал о разводе Салливанов и о предполагаемых угрозах, которые Рид высказал в адрес Калисты в кафе. В других статьях упоминалась таинственная империя на ферме Спеллман, которая прежде, как ни странно, почти не привлекала внимание прессы.

Заголовки на пожелтевшей от времени бумаге говорили сами за себя:

«На острове Ламми туристы обнаружили труп женщины»

«Лейтенант полиции просит о помощи:

Кто погиб на острове Ламми?»

«Труп опознан: жертва – жительница Беллингема,

последовательница Спеллман»

«Муж погибшей последовательницы Спеллман допрошен,

но не задержан»

«Гуру здорового образа жизни Марни Спеллман о погибшей:

„Она сияла как звезда“»

«Хозяин кафе сказал, что Салливан угрожал жене убийством»

И наконец:

«Два волоска на трупе принадлежат Салливану.

Ему предъявлено обвинение в убийстве»

«Суд по делу об убийстве – возможность заглянуть

в „улей“ Марни Спеллман»

Последняя статья по объему была в два раза больше остальных. Линдси представила, как Макгроу безудержно строчит, склонившись над клавиатурой. Почти десять лет Марни Спелл-

ман слыла чуть ли не повелительницей мира (Линдси понятия не имела, что она пользовалась столь огромным влиянием; только фамилию её слышала), а потом, за несколько лет до дела Салливана, вдруг исчезла с радаров общественного внимания. Ферма продолжала работать, расширялась, хотя рост её был скачкообразным, но Марни отгородилась от публики плотным панцирем. И вот теперь, благодаря непонятной гибели женщины, которая, оказывается, была одной из ключевых фигур в организации Марни, Макгроу, как он, по-видимому, считал, удалось подковырнуть этот панцирь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.